
Сошников Владислав
Fallout
ПРОЕКТ "СИЯНИЕ"
Стреляй первой
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Владислав Владимирович Сошников

Проект «Сияние». Стреляй первой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71468728
SelfPub; 2025

Аннотация

Война никогда не меняется. После пережитых приключений наша пара недавно обретших друг друга супругов отправляется в Столичную Пустошь. В составе группы, состоящей из четвёрки Изгоев Братства Стали и посланников сильного клана из Бостон Харбор Нейтан и Нора отваживаются на опасное и полное неизвестности морское путешествие. Что ждёт их в пути? Какие опасности и неожиданные события подстерегают отважных путников? Об этом вы узнаете на страницах книги.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 12
Глава 2 35
Глава 3 67
Глава 4 100
Глава 5 124
Конец ознакомительного фрагмента. 133

Владислав Сошников
Проект "Сияние". Стреляй первой

Пролог

Засекреченный военный бункер Резервной Базы Анклава, Столичная Пустошь (бывш. Вашингтон, округ Колумбия), 2-35 ночи.

Профессор Энн Борхарт напряжённо, не мигая смотрела в экран монитора, стоявшего перед ней на рабочем столе. Небольшое помещение её личного кабинета, находившегося на третьем – самом нижнем уровне убежища Анклава, запрятанного глубоко под землю, было погружено в полумрак. Свечение экрана мертвенно бледным светом озаряло её лицо, ещё больше заостряя и без того угловатые черты. От напряжения, которым буквально была пронизана фигура мадам Борхарт, её бледно-розовые, словно бескровные, плотно сжатые губы превратились в одну тонкую полоску. Глаза же, из-за выражения которых профессора за спиной называли гремучей змеёй, напоминали мёртвые, неподвижные глаза механической куклы. Весь облик учёной являл собой эталон сдержанности и аккуратности. Никаких излишеств в

одежде и причёске, полное отсутствие украшений. Безупречно выглаженный, без единой складки накрахмаленный медицинский халат с логотипом организации, пришитым на левой стороне груди, застёгнут до самой верхней пуговицы. Разбавленные изрядной долей седины волосы собраны в тугой пучок на затылке, узкие серые брюки, на ногах строгие туфли. Ни следа какой-либо косметики на лице. Жилище профессора Борхарт, расположенное там же, где и её рабочий кабинет – то есть на третьем уровне убежища, было под стать своей хозяйке. Каждая вещь на своём месте, идеальный порядок во всём, ничего лишнего.

По экрану монитора непрерывно бежали строчки, состоявшие из множества цифр и буквенных обозначений. Они составляли комбинации и построения, распознать смысл и значение которых постороннему наблюдателю было бы решительно невозможно. Но мадам Борхарт прекрасно разбиралась во всей той абракадабре, что поступала к ней с экрана. Минуты текли, профессор всё так же сидела за столом, неподвижным взором уставившись в монитор. Но вот движение цифр прекратилось. Появился мерно мигающий значок загрузки, призывающий немного подождать, и на экране всплыла надпись, прочитав которую Энн Борхарт мгновенно растеряла всё своё хвалёное хладнокровие. Раздражённо хлопнув ладонью по столешнице, да с такой силой, что из стоявшего рядом с монитором пластикового стаканчика выпали и покатились в разные стороны несколько карандашей,

женщина выдала тираду, от которой покраснела бы пропахшая дешёвым виски бригада грузчиков. Профессор рывком вскочила, с шумом отодвинула в сторону стул и стремительной походкой пересекла пространство кабинета, резко остановившись у входной двери. Ткнув пальцем в кнопку интеркома, она прорычала в микрофон, отчего у человека на другом конце провода буквально душа ушла в пятки:

–Дженкинс! Дженкинс, мать твою, ты меня слышишь?!

–Д-да, мэм, да – я вас внимательно слушаю, – пулей подскочив к интеркому и растеряв по полу крошки, попавшие ему на штаны с сэндвича, который он с наслаждением поедал за минуту до того, как динамик заговорил голосом профессора Борхарт, дрожащим тоном проблеял главный научный сотрудник.

–Ты видел результаты?

–Да, мэм, я только что…

–Ты ничего не хочешь мне сказать? – голос Борхарт не предвещал ничего хорошего и Дженкинс сжался, словно в ожидании удара. От страха на его темнокожем лице проступили капельки пота. Собравшись с мыслями, он уже открыл было рот, собираясь ответить, но профессор не дала ему этого сделать:

–Что-нибудь известно о нашей сладкой парочке? Есть что-то новое?

–Да, да – есть, – сбивчиво затараторил заместитель, запинаясь на каждом слове. – Мы… то есть я…

–Успокойся, Линкольн, – голос грозной начальницы чуть снизил градус напряжения. – Давай, докладывай.

–Поступили данные со спутника-шпиона, мэм. Активировалась система боевых имплантов у нашей подопечной. Их излучение посылало импульсы в пространство совсем недолго, но этого времени хватило, что бы спутник засёк сигнал. Проект «Сияние» и предположительно второй интересующий нас человек сейчас в океане…

–Где-где? – в голосе Борхарт прозвучало неподдельное удивление.

–В океане, мэм. Они движутся по воде. Идут вдоль побережья в нашем направлении . Осмелюсь предположить, что это какое-то судно, госпожа Борхарт.

–И как далеко они продвинулись?

–На момент сообщения их судно приближалось к Нью-Бедфорду, мэм.

–Хм… Интересно, интересно… И когда же ты об этом узнал? – вновь оживший металл в тоне профессора снова заставил Дженкинса сжаться.

–Вчера…

–Что?! – взвилась Борхарт. – Вчера??! И ты до сих пор молчал, скотина?!

–Но мэм, вы были заняты, и я подумал, что… – едва не плача сделал жалкую попытку оправдаться заместитель, но у него не прокатило.

–А генералу докладывал?– бесцеремонно перебила его

профессор.

– Он сейчас спит, мэм…

–Слушай сюда, ты, жалкий сморчок, – в бешенстве зловеще зашипела в микрофон Борхарт, – если мы их снова упустим, я тебя самого под нож пущу! Ты меня понял, сволочь?

–Да, мэм…

–Я немедленно иду к генералу. И плевать, спит он или нет – пусть срочно готовят группу. А ты сейчас же скинешь мне расшифровку данных со спутника – через секунду они должны быть у меня. Ты понял?! И молись, что бы на этот раз всё прошло, как надо.

Профессор отключилась. Линкольн же пулей метнулся к своему компьютеру, что бы переслать полученную информацию по внутренней сети профессору. Скопировав данные, он трясущимися пальцами нажал кнопку на клавиатуре, подтверждая отправку, и обессиленно рухнул на стул. Руки его дрожали, по спине стекал холодный пот. О недоеденном бутерброде, оставшемся сиротливо лежать на тумбочке, он даже и не вспомнил.

Госпожа Борхарт отошла от интеркома и сделала глубокий вдох, успокаивая нервы. Наорав на заместителя и запугав того до полусметри, она тем не менее осталась довольна. Новости её очень порадовали. Похоже, что рыбка попалась-таки не крючок. Теперь, главное её не спугнуть. Профессор скупо улыбнулась, но глаза по-прежнему оставались холодными и неподвижными. От этого её лицо в мертвенно-бледном све-

те, источаемом экраном компьютера, приобрело облик жутковатой маски. Пиликнул звуковой сигнал, оповестив о входящем сообщении. Женщина подошла к монитору и пробежала глазами по тексту сообщения, которое только что переслал бестолочь-Дженкинс. У, гад, убила бы мерзавца! Если бы не выдающиеся способности в биоинженерии и нейробиологии, за которые Линкольна и ценили в их подземной лаборатории, лежать бы ему на операционном столе в качестве подопытного кролика. Но другого такого специалиста не найти, это да. Они сейчас редкость. Молодёжь с каждым последующим поколением становится только тупее, так что хочешь-не-хочешь, а приходится терпеть раздолбая-заместителя.

Прочтя сообщение, профессор ещё раз скупо улыбнулась, и одёрнув полы безупречно сидящего на её стройной фигуре халата, решительным шагом покинула кабинет, направившись по слабо освещённому коридору в сторону лифта. Придётся коммандеру Крэйгу прервать свой сладкий сон. Женщина криво усмехнулась. Проект «Сияние» настолько важен для Анклава, что всё с ним связанное имеет высший приоритет. Если всё получится, а оно должно, просто не сможет не получиться, то авторитет и влияние профессора Борхарт во внутренней иерархии Анклава достигнет просто небывалых высот. Она и сейчас уже чуть ли не пинком открывает двери высших чинов их организации, а уж тогда-а-а… Но хватит мечтать, сначала надо заполучить строптивую парочку в

свои руки. Ах, если бы не этот чёртов старый гад, подложивший им такую свинью там, в Бостонском бункере… Всё могло бы сложиться куда лучше. Борхарт снова ощутила жгучую ненависть к так подло предавшему их пожилому учёному. Она тряхнула головой, отгоняя не нужные на данный момент эмоции, глубоко вздохнула, сжала и разжала кулаки, и шагнула в кабину лифта. Автоматические двери с тихим шипением закрылись у неё за спиной, и лифт унёс профессора Энн Борхарт на верхние ярусы их огромной подземной базы.

Столичная Пустошь, район Тэмпл Хиллс.

Бродяга-мусорщик с неудовольствием прервал свою, едва успевшую начаться трапезу и с тревогой уставился в сторону западных холмов, чьи далёкие силуэты ломаными линиями пересекали горизонт на фоне красного закатного неба. Сегодня ему удалось подстрелить в развалинах пару толстых, очень крупных крыс, и теперь человек с наслаждением поглощал зажаренное на костре, чуть жестковатое, но такое вкусное, а главное питательное крысиное мясо. И вот теперь что-то непонятное мешало ему получать удовольствие от законного ужина. Его внимание привлёк звук, совершенно не похожий на те, которые человеческое ухо привыкло различать на просторах Великой Пустоши. Едва различимый, он с каждой секундой всё нарастал. Что-то большое приближалось с запада. Мусорщик навострил уши и весь напрягся, готовый в любую секунду ужом метнуться в щель между стенами развалин, в тени которых он укрывался от дневного зноя.

Но прятаться ему не пришлось. Две огромные летающие машины вынырнули из-за холмов. Рассекая прохладный вечерний воздух лопастями винтов и оглашая окрестности гулом моторов, два больших грузовых винтокрыла чёрными тенями пронеслись на малой высоте над его головой и умчались на восток, направляясь в сторону побережья.

Глава 1

Нейтан. Патрульный катер «Гарпия», Причал Бостон Харбор.

–Отдать швартовы! – раскатистый бас капитана прогремел над причалом, и пронзительные крики чаек были ему ответом. Я невольно задрал голову и посмотрел на птиц, кружащих над водами залива в ослепительной вышине. Мы стояли на палубе готового к отправке судна, ожидая, когда прозвучит команда к отплытию. Нора, держась за трос ограждения на корме, смотрела, как вода бурлит и пенится за бортом, потревоженная гребными винтами. Катер, вздрогнув всем корпусом двинулся и стал потихоньку отваливать от пристани, плавно разворачиваясь в направлении выхода из бухты. Оказавшись на середине залива, бывший патрульный катер береговой охраны, несущий на своих свежевыкрашенных бортах броское имя «Гарпия», прибавил ходу, уверенно набирая скорость. Вскоре впереди по курсу, по правую руку от нас показался Залив Плежэ, окружённый искусственной дамбой. Обогнув его и миновав Кастл Айленд Парк катер ходко направился к Лонг Айленд, на территории которого находилось два, если можно так выразиться, известных на всю округу «заведения». Первое – это «Эндрю Хаус Детокс Центр» – бывший элитный нарко-диспансер, в котором в своё время лечились от всяких пагубных привычек здеш-

ние – и не только, знаменитости и детишки богатых родителей, пристрастившиеся в силу особенностей богемной жизни к «зелёному змию» или «белому порошку». Вторая местная достопримечательность, находящаяся на острове – это «Форт Стронг», чьи мрачные бетонные бастионы утопали в густых зарослях, да так, что с воды разглядеть что-либо было практически невозможно. Сам Лонг Айленд пользовался дурной славой места, где происходит всякая непонятная чертовщина. Поэтому бывать там категорически не рекомендовалось никому. Всех тех, кто не прислушивался к настойчивым рекомендациям не соваться на остров и совался-таки, ожидала, похоже, незавидная участь. Почему «похоже» – а потому, что все отчаянные головы, поверившие слухам о якобы несметных сокровищах, хранящихся на острове, и рискнувшие туда отправиться на поиски, пропадали с концами и о них больше никто ничего не слышал.

И это не байки – однажды на Бостонский Лонг Айленд направилась группа разведки Братства Стали в составе аж целых пяти человек. Братство тогда только-только закрепилось на территории Содружества и активно изучало окрестности. Ну высадились, значит, паладины в силовой броне на остров. Углубились в заросли. И что бы вы думали? Ни ответа, ни привета. Разведчики как в воду канули. Хм, кстати – а почему бы и нет – вода же кругом. М-да… В общем, пропала группа. Послали команду на поиски – и те не вернулись. Рассосались по острову – и всё, как сквозь землю. Пилоты до-

кладывали, что после высадки они постоянно держали связь с группами. Они приземлялись, бойцы выгружались на землю, пилот поднимал винтокрыл обратно в небо и уходил в сторону пустынного Спектакл Айленд. От него до Лонг Айленд рукой подать, что-то чуть меньше полутора миль, или около того. Винтокрыл садился, пилот глушил мотор и вызывал по рации группу разведки, подтверждая, что он находится на месте. После чего принимался ждать, периодически посылая запросы в эфир. Так вот, оба раза разведчики пропадали со связи спустя какое-то время после высадки, и в обоих случаях это происходило около пары часов пребывания групп на острове. Пилот тщетно продолжал вызывать товарищей, но лишь эфирные помехи были ему ответом. Что за дичь творится на острове, до сих пор остаётся для всех загадкой и тайной за семью печатями. Я вообще не пойму, чего там, на этом «таинственном острове» может быть такого ценного, что привлекает всяких проходимцев, заставляя их раз за разом испытывать судьбу, отправляясь чёрту в зубы? И зачем? За какими такими сокровищами? Я не знаю. Хотя… В своё время ходила же среди мусорщиков и прочих ушлых личностей, населяющих нынешнее Содружество, одна байка про «Эндрю Хаус». Что, якобы, в своё время, перед самой войной в клинику завезли просто несметное количество различных наркотиков. Что бы, опять же якобы, испытать новою методику лечения подопытных… то есть я хотел сказать – больных наркоманией пациентов. Бред полнейший,

но народ верит и периодически предпринимает попытки добраться до «заветной кладовочки», которая по слухам находится где-то глубоко в подвалах комплекса зданий клиники.

Но вот зловещий остров остался позади. «Гарпия» ещё прибавила ходу, направившись к группе островов, обогнув которые наше судно окажется на большой воде и мы двинемся вдоль берега в сторону Атлантик Сити. А там и до Вашингтона рукой подать, хе-хе. Шучу, конечно. Путь предстоит неблизкий и очень опасный. И как всё сложится, никто не сможет сказать наверняка. Солнце уже взошло над заливом, пронзая своими лучами перистые облака, яркие блики заискрились, засверкали, заиграли на волнах. Я вдохнул полной грудью влажный морской воздух и повернулся к Норе:

–Ну как ты, дорогая? Не укачивает?

–Нет, всё нормально, – улыбнулась жена, придерживая рукой норовившую слететь с головы беретку. – Не думала, что морские прогулки настолько могут понравиться.

–Ну, наша прогулка обещает быть не только увлекательной, но ещё и длительной, и скорее всего опасной, – ответил я, обняв одной рукой Нору за талию, а другой держась за перила.

Катер довольно ощутимо потряхивало на волнах, и мы решили уйти внутрь судна. Покинув корму, я и Нора двинулись вдоль надстройки к двери, ведущей в кубрик. Когда до входа в надстройку оставалась пара-тройка шагов, дверь отворилась и на палубу вышел капитан катера, раскуривая на

ходу трубку с длинным изогнутым мундштуком. Выпустив в небо струю сизого дыма, он с довольным видом вздохнул, расправил плечи и повернулся в нашу сторону. Заметив меня и Нору, капитан усмехнулся, при этом его шикарные, пушистые усы растопырились во все стороны, словно ёршики от унитаза. Он дотронулся двумя пальцами до козырька своей старой, но ещё не потерявшей формы капитанской фуражки, учтиво улыбнулся и произнёс, обращаясь исключительно к Норе:

–Доброе утро, мэм! Как вам прогулка на нашем прекрасном судне? – меня он в упор не замечал, демонстративно общаясь только с моей женой.

–Замечательно, – улыбнулась Нора. – Мне очень нравится.

–Рад это слышать, леди, – мистер Трелони – а именно так звали капитана нашего судна, был сама учтивость.

Ещё раз козырнув, он несколько раз сильно затянулся, окутавшись клубами табачного дыма, закашлялся, выбил пепел из трубки о стенку надстройки и шагнул обратно внутрь, вернувшись на своё место рядом с управлявшим катером матросом. Кроме самого капитана Роберта Трелони, команда «Гарпии» состояла из четырёх человек – трёх матросов и одного моториста, немолодого, вечно небритого и вечно поддатого дядьки, не вылезавшего из засаленного комбинезона, из карманов которого торчали гаечные ключи, отвёртки, плоскогубцы и горлышки маленьких бутылочек, напол-

ненных виски. Кроме моряков на борту судна находилось девять пассажиров. Я, Нора, Защитник Николсон и трое его товарищей-Изгоев представляли на катере Братства Стали. От мистера Джесси Джеймса с нами плыли не двое, как было оговорено ранее, а трое его посланников-представителей, направляющихся в Столичную Пустошь с каким-то очень важным поручением. Они держались особняком и ни с кем не общались, познакомившись с нами и перекинувшись парой фраз лишь в самом начале. Ну, плавание предстоит долгое, ещё успеем познакомиться поближе, а то и вовсе надоесть друг другу. Звали этих троих «засланцев» клана из Бостон Харбор: Смит, Трамп и Эл-Джей Харрисон – именно так они и представились, когда вслед за нами поднялись на борт судна.

Сам капитан Трелони , как и его матросы, так же принадлежал к клану Джесси Джеймса. Но моряки относились, как бы это сказать поточнее, к другой касте клановцев. Не могу точно выразится, у них там, в Бостон Харбор какая-то своя, довольно сложная иерархия. Суть в том, что даже принадлежа к одной «семье», посланники и команда катера практически не общались между собой. Такое меня, признаться, поначалу здорово удивило. Но потом я забил на тонкости отношений в их клане и перестал ломать над этим голову. Это их, личное дело.

С Изгоями Братства мы познакомились ещё в Новой Цитадели, когда занимались подготовкой к путешествию. Со-

братьев по оружию Защитника Джейка Николсона звали Защитник Томпсон, Защитник Рид и Специалист Олин. Первые двое были под стать командиру группы: оба высокие, широкоплечие, немногословные. Суровые воины Пустоши. Специалист Олин один из всей группы Изгоев выделялся невысоким ростом и субтильным телосложением. Но не стоит недооценивать Специалиста – в их группе он являлся мозговым центром, а заодно штатным медиком и техником в то время, как трое Защитников были силовой поддержкой, железным кулаком их четвёрки. С собой на катер Изгои притащили кучу всяких приспособлений и оружия, уложенного в пластиковые кейсы тёмно-оливкового цвета. Ящики спустили в грузовой отсек и закрепили там, что бы не растрясти при болтанке. Но больше чем команда с пассажирами, меня заинтересовал сам кораблик, который был призван доставить нас по назначению и желательно не развалиться по дороге, вернее – по волнам. Ну, не знаю – вроде плывём, причём довольно быстро, двигатели гудят под палубой ровно, без всяких перебоев. Что не может не радовать, во всяком случае пока.

Над «Гарпией», которая продолжала уверенно нести на своих бортах всю нашу разношёрстую компанию в сторону Атлантического Океана, поработали на славу – в этом нет никакого сомнения. Катер береговой охраны ВМС США сохранился в очень даже неплохом состоянии, это если учесть, сколько лет бесхозности он провёл, плотно сидя на мели в

паре миль от берега. Но благодаря материалам, из которых был собран его корпус, катер не сгнил и не развалился, густо покрывшись слоем водорослей и всякого мусора, нанесённого волнами и ветром. Но пришло время и «Гарпию» стащили с мели, отбуксировали в порт и загнали в ремонтные доки, где судно восстановили и оно вновь было спущено на воду. За безопасность катера отвечали две турели с крупнокалиберными пулемётами, установленные на носу и корме. Пулемёты с турелей можно было снимать и переставлять на дополнительные крепления, расположенные вдоль бортов по бокам судна. Боекомплект состоял из 2000 патронов к каждому стволу. Заправленные в ленты, они были уложены в деревянные ящики и накрыты брезентом от влаги.

Личное оружие есть у каждого члена команды – я видел укороченные карабины «М-14», принадлежащие матросам, которые стоят закреплённые в пирамиде внутри рубки. В дополнение к пулемётам, на борт были доставлены три ракетомёта с десятком выстрелов к каждому, а так же провиант, питьевая вода в пластиковых канистрах, запас батарей к двигательной установке, запчасти и инструменты, которые могут понадобиться в столь длительном плавании. Продуктовых запасов , состоявших в основном из сухих пайков и вяленой рыбы должно было хватить для того, что бы добраться до Вашингтона. Сухпай для всех, кто во время плавания будет на катере, предоставило Братство, вяленая рыба – доля клана Джесси Джеймса. Так же везли некоторое количество

сухофруктов, единственное ради того, что бы разнообразить мясное меню и добавить в пищу витаминов. Можно, к примеру, компот сварить в кружке или котелке, а можно и так пожевать. Маленькие горелки, работающие на спирту есть у всех шестерых, включая меня, Николсона с его Изгоями и Нору. Что там у команды и посланников с собой – их забота. Всех заранее предупредили, что камбуза на катере нету, ровно как нет и корабельного кока в команде. Исходя из этой особенности, продуктовый набор и рассчитывался. Камбуз на патрульном катере изначально не предусмотрен конструкцией. Его, понятное дело, при желании можно было бы както втиснуть в ограниченное пространство надстройки, но до сих пор у местных мореходов в этом необходимости не возникало. Со дня своего повторного спуска на воду, так далеко «Гарпия» ещё не ходила. Но вот пришло время, и её звёздный час настал. А что делать – другого такого, настолько надёжного и быстроходного судна в Бостон Харбор попросту не нашлось. Лодки, лодочки, лодчёнки – вот основной состав тамошнего «флота». Есть ещё несколько прогулочных яхт разной степени паршивости, но они слишком малы и не вмещают в себя столько народу, сколько может взять «Гарпия». Да и недостаточно прочны они, да. Морячки наши хоть и стараются бодриться, но выглядят напряжёнными. Это на людях наш бравый капитан делает грудь колесом и топорщит усы, строя из себя морского волка и покорителя стихии. На самом же деле они дальше островов, которые мы сейчас оги-

баем, в открытое море не заходили. Вот и проскальзывает тревога и неуверенность во взгляде мистера Трелони, когда ему кажется, что в его сторону никто не смотрит. Как бы он при этом не храбрился.

На ночёвку мы должны будем останавливаться и держаться ближе к берегу – двигаться по волнам в ночной темноте плохая затея, которая может закончиться очень плачевно. После того, как планету отутюжили ядерными зарядами, сейсмическая активность увеличилась в разы, и длительное время землю трясло, колыхало и двигало. Материки сдвигались и раздвигались, горы рушились, многие места уходили под воду, где-то наоборот – земляные пласты вставали дыбом, образуя торосы и причудливые складки, при этом порой перекраивая ландшафт так, что даже хорошо знакомые места было попросту не узнать. Береговые линии так же во множестве мест изменили свои контуры, и судовождение тетерь стало сродни путешествиям отважных первопроходцев, открывавших никому не известные земли. Старые карты судоходных маршрутов давали весьма приблизительную картину реальности, ориентироваться по которым теперь можно было лишь очень условно, с большой поправкой на изменённые очертания материков. Поэтому вперёдсмотрящий на судне – очень важная персона во время движения по океанским просторам. Как раньше просто плыть, придерживаясь заложенного курса, время от времени сверяясь с картой и компасом, уже недостаточно, нужно визуальное наблюдение за окружа-

ющим пространством. Сходить же на берег для ночёвки нам совсем не обязательно – во мраке ночи на суше может быть в разы опасней, чем на океанских просторах. Уже договорились, что будем спать по очереди – часть команды несёт вахту и караулит судно, другая часть в это время спит. Потом меняемся. Решили, что на ночное дежурство будут заступать два человека – по одному от каждой организации. У мореходов свои вахты, поэтому эти дежурства их не касаются. Их дело – управление судном. Возле берега, конечно, безопаснее, чем на суше, но расслабляться всё равно не стоит.

Нора. Патрульный катер «Гарпия», Атлантика.

Как странно: прожив столько лет в городе, расположенном на берегу океана, я только сейчас поняла, насколько это здорово – путешествовать по волнам. Лететь навстречу ветру на скоростном катере, вдыхая наполненный морской свежестью воздух полной грудью. Хм, ты глянь – меня совсем не укачивает, совершенно напрасно Нейтан беспокоился. Он вообще слишком уж обо мне печётся. Ему всё время кажется, что моей драгоценной персоне что-нибудь угрожает, или доставляет неудобство. И мой любимый готов из кожи вон лезть, лишь бы мне было хорошо. Боже, как же я люблю его! Он такой славный, мой Зайка и такой забавный. Представляю, что ему пришлось пережить видя, как на его глазах сначала забирали нашего сына, а потом застрелили меня… До сих пор дрожь берёт, как вспоминаю весь тот ужас, что творился тогда в убежище. Но Нейтану я ничего не говорю, не хочу,

что бы он лишний раз волновался. Он и так очень переживает из-за всех тех ужасов, что творили со мной в той проклятой лаборатории Анклава. Меня саму аж передёргивает от отвращения, когда вспоминаю узкую морду той гадины с глазами гремучей змеи, которая проводила надо мной эти свои эксперименты. Убью суку, пусть только в руки мне попадётся! Ух… Что-то я разошлась не на шутку, надо успокоиться. А то, вон, мой милый уже поглядывает подозрительно, в глазах тревога, хи-хи. Наверное, на лице у меня опять бурные эмоции отобразились. Ну, я же женщина в конце концов, а не суровый воин с высеченным из гранита лицом. Домохозяйка я, молодая мать и любящая жена. Ну, может уже не совсем молодая… Но всё равно очень даже привлекательная – вон как морячки то и дело в мою сторону глазами стреляют, пытаясь определить, что и как там у меня под плотным слоем ткани. Вижу-вижу, проказники! Вот сейчас нарочно так встану, будто разглядываю, как там вода бурлит за бортом. Ну-ка… Та-а-ак, вот, попу назад, чуть в спине прогнуться… Хорошо, что Нейтан сейчас в другую сторону смотрит. Не видит, как я тут шалю. Смотрят? Ха, смотрят – куда ж они денутся, голубчики. Один, вон, аж курить перестал, залюбовался, поди. Ну всё, хватит баловства.

Я распрямилась и отвернулась от борта. Тут и Нейтан, до этого смотревший на чаек, кружащих под облаками, повернулся ко мне и спросил улыбнувшись:

–Ну как ты, дорогая? Не укачивает?

Я ответила, что всё хорошо и призналась, что мне ужасно понравилось морское путешествие. Нейтан просиял и обнял меня за талию. Так мы стояли некоторое время, пока не решили, что стало холодновато торчать на влажном морском ветру, ловя лицом солёные брызги. По пути в кают-компанию, как пафосно называли внутреннее помещение катера сами моряки, нам попался капитан судна, который выбрался наружу покурить свою трубку. Мистер Трелони – так звали капитана, был сама учтивость. Демонстративно проигнорировав Нейтана, капитан распушил свои усы и произнёс галантное приветствие, поинтересовавшись, как мне путешествие.

–Замечательно, – с улыбкой ответила я. – Мне очень нравится.

Капитан откозырял и убрался обратно в рубку. Их с Нейтаном бодание, которое как началось с нашего первого посещения катера, стоявшего на тот момент у причала в порту, так и продолжается до сих пор. Честно говоря, меня всё это уже начинает немного напрягать. Я женщина спокойная, в отличие от большинства других существ одного со мной пола, скандалы и истерики не люблю. И никогда не любила. Нейтану всегда надо было очень сильно постараться, что бы вывести меня из нервного равновесия. Честно говоря, сколько себя помню, только у него одного это и получалось. А началась их с Трелони война после того, как едва ступивший на палубу Нейтан без всякого разрешения полез в моторный

отсек, что бы оценить, насколько с его точки зрения было хорошим состояние механизмов, отвечающих за надёжность судна на ходу. Ничегошеньки при этом в моторах не понимая, ага. Он только во всём, что касается оружия и снаряжения хорошо разбирается. Даже могу сказать – очень хорошо разбирается. Двигатели же совсем не его стихия. А он начал спорить. Сначала с мотористом, вечно пьяненьким мужичком, а потом и с капитаном, когда тот вмешался, что бы утихомирить спорщиков. Назвал «Гарпию» корытом. Трелони взбесился и обозвал Нейтана «сухопутной крысой». Они уже сцепиться готовы были, когда я буквально оттащила мужа от красного, как варёный лобстер капитана. Скандал удалось погасить, но с тех пор мистер Трелони ведёт себя так, будто Нейтана совсем не существует в природе. Смотрит сквозь него, не здоровается, не обращает никакого внимания. Не знаю, куда всё это катится и к чему приведёт, но если Трелони задумает хоть как-то навредить моему мужу, то «Гарпия», вполне возможно, лишится своего капитана. И я не шучу. Я за моего Зайку любому ноги вырву и спички вставлю. Думаете не смогу? Смогу-смогу, не надо во мне сомневаться. Я теперь тётка крутая, вся имплантами напичкана по самое «это самое», ха-ха. Порву любого голыми руками! М-да… А если честно, то мне от всего этого «чуда» био-инжениринга, в которое превратили несчастное тело без моего на то согласия, порой становится очень страшно и грустно. Кто я теперь? Не знаю… Ну, ладно, всё – хватит мрачных мыслей. Мы же

плывём на катере! Здесь всё так здорово, так необычно!

Я и Нейтан следом за капитаном вошли внутрь надстройки и свернули налево, что бы попасть в… Э-э, как это помещение на кораблях называется? В общем, в то место на катере, где находились все пассажиры. Оно напоминает маленькую казарму с той лишь разницей, что вместо железных коек, здесь для того, что бы спать, использовали гамаки. Вдоль стен к потолку были прикреплены специальные крюки, на которые эти самые гамаки и вешались на ночь. Днём их снимали с одного крюка и они висели, спускаясь по стенке к полу и никому не мешали. Сидели все на полу, специально для этой цели были расстелены старые матрасы, уложенные на резиновые коврики. На матрасах можно было и спать, если кому-то было невмоготу проводить ночь в висящем над полом гамаке.

Лёгкий полумрак помещения разгонял свет, льющийся внутрь через прямоугольные окошки в стенах… иллюминаторы, кажется? Внутри пахло, как бы выразить поточнее… техникой. Это как сквозь эфир специальных ароматических штучек, которые стравят на приборную панель в своих автомобилях водители, неизбежно пробивается запах машины, который ни с чем не спутаешь. Так и здесь пахло как-то… по своему, по корабельному. Металл, пластик, резина и прочие материалы, из которых состоял корпус и внутренности судна, создавали довольно таки своеобразный букет запахов. Не противных, нет. Просто мне, за свою жизнь ни разу не бы-

вавшей на настоящем корабле, хоть и маленьком, всё здесь кажется до ужаса интересным и непривычным.

Наша разношёрстая компания отважных мореплавателей разделилась на несколько маленьких групп, занявших по отдельности каждая свой уголок. Посланники Джесси Джеймса сидели втроём на матрасах и резались в Джин-рамми, негромко при этом разговаривая о чём-то своём. На резиновом коврике, куда они бросали засаленные карты, перед каждым лежало по маленькой кучке истёртых бесчисленными прикосновениями крышек от Нюка-Колы. Их вместо денег сейчас везде используют, нашли замену серебряному доллару, да и бумажному то же. Нейтан всё время смеётся, как только об этих самых крышках речь заходит. А я как-то и не заморачивалась, чем сейчас товары оплачивают, и вообще какая наличная валюта в ходу на данный момент. Сначала не до того было, а потом просто приняла всё, как есть. Ну крышки и крышки. Маленькие, удобные. Звенят весело. Какая разница.

Четвёрка Изгоев расположилась у противоположной стены, так же сидя на матрасах, брошенных на покрытый резиной пол . Они сняли с себя силовую броню и составили её рядком вдоль стеночки, отчего казалось, что за их спинами какие-то четверо сидят на корточках – именно так выглядит энергетический доспех в сложенном виде. Мой экзо-костюм на время плавания упаковали в один из ящиков, принадлежащих нашей команде. Нейтан единственный из нас, кто не

носит силовую броню, довольствуется своим любимым комбинезоном, подарком какого-то Старика из Добрососедства. Где это Добрососедство, что это за место, и кто такой этот самый Старик, которого муж упоминал несколько раз и очень хорошо о нём отзывался, я не знаю. Нейтан говорит – где-то в старом Бостоне. Изгои то же времени даром не теряли. Николсон, Томпсон и Рид занялись чисткой оружия, разложив на прямоугольном куске плотной ткани свои «пушки» и средства по уходу за оружием. Насколько я что-то понимаю в оружии, у Защитников Николсона и Томпсона были автоматические винтовки «FR-15». Но не стандартные модели в калибре «5,56», а выпускавшиеся одно время малыми партиями «FR-15-50». Мне сразу утолщённые стволы и увеличенные шахты-приёмники магазинов в глаза бросились. Стреляли эти винтовки мощными патронами «50-экшн экпресс магнум» – увеличенной версией пистолетных «50-экшн экспресс», которыми стреляет пафосный «Дезерт Игл». У винтовочных «50 экшн-экспресс» гильза длиннее и навеска пороха больше, а значит больше начальная скорость пули. При большом калибре и более длинном, чем у пистолета стволе, убойная сила, особенно на средней дистанции просто ужасающая. По бронированным целям патроны в таком крупном калибре работают хуже, чем при меньшем с такой же навеской пороха, но против всяких опасных животных, обладающих большой живучестью – читай мутантов, «50-экшн экспресс магнум» как раз то, что нужно. Ну а человеку, если

только он не одет в силовой доспех или тяжёлую боевую броню, одной пули из такой винтовки хватит, причём в любую часть тела, что бы с гарантией быть отправленным в полный аут.

Защитник Рид был вооружён лучевым импульсным излучателем «М-01 «Вайпер», в простонародье называемым «лазерной винтовкой». У Рида была модифицированная модель, позволявшая одним нажатием на кнопку спуска стрелять в полностью автоматическом режиме, то есть частота испускаемых излучателем импульсов увеличивалась в несколько раз, напоминая очередь из пулемёта. Специальный отсек для «батареек», расположенный слева на корпусе излучателя, вмещал не одну, как на стандартных моделях, а целых три энергоячейки. У Специалиста Олина, как я заметила, с собой был компактный «саб-мэшин ган» – небольших размеров пистолет-пулемёт, внешне напоминающий мой «Зенит», которым я была вооружена во время нашего с Нейтаном перехода через разрушенный Бостон. Что за модель, я точно вам не скажу – не знаю. В зелёных ящиках, там же, где и моя броня, едет в разобранном виде его снайперская винтовка. Олин у нас ещё и снайпер. Такой, всесторонне развитый мужчина, хоть и мелковатый. Ещё у всех на боку пистолеты, рукоятки торчат из открытых кобур.

Скажете: откуда ты, жена, мать и домохозяйка, да ещё и юрист по образованию, такие тонкости каких-то там винтовок и патронов знаешь? О-о-о друзья, поживёте с моим му-

жем – ещё не такое о разного рода стреляющих штуках знать будете! Тут хочешь-не-хочешь, а начнёшь разбираться в оружейной теме, если тебе день и ночь в уши жужжат то про пистолеты, то про автоматы, то про патроны с ножами в придачу. Нет, я не жалуюсь, конечно, мне и самой оружие нравится. Просто хочу объяснить, откуда я все эти оружейные тонкости знаю. А винтовку такую, «лазерную», мой муженёк себе одно время купить хотел, даже пару раз порывался в оружейный магазин за ней поехать. Но я разоралась и не дала этого сделать. А то он как загорится какой-нибудь новой «пушкой», так будет ходить сам не свой и вздыхать задумчиво до тех пор, пока вожделенный предмет не получит. Наиграется, настреляется, ну и я с ним за компанию, а потом или продаст кому-нибудь – что предпочтительней, или себе оставит и в железный шкаф спрячет, который у нас в спальне стоит. Стоял. Я Нейтану никогда не препятствовала оружие покупать – на этот счёт я дама куда более лояльная к увлечениям мужа, чем большинство знакомых мне женщин. Не в ущерб семейному бюджету, разумеется. Мне самой и стрелять, и с оружием возиться нравится. Суть в том, что как любой увлечённый человек мой любимый порой бывает склонен перегибать палку. Вот возьмём, к примеру, эту его затею с бункером – сколько скандалов по этому поводу было? А всё почему? А потому, что мой милый мудрить начал сверх необходимого, что выразилось в просто непомерных тратах именно тогда, когда деньги нужны были на необхо-

димые покупки к рождению Шона. И робота этого, будь он неладен, как раз только недавно купили. А он, знаете ли, не двадцать долларов стоит! И не двести. А Нейтан взял и бухнул последние деньги в постройку этого бетонного подвала и целую кучу оружия. Ну ладно, может я и преувеличиваю – не все, и не последние деньги он на «пушки» потратил, да и бункер с запасами вещь в хозяйстве нужная и полезная… Но хоть бы сказал, хоть посоветовался что ли, в конце-то концов! Так нет же – взял, и сделал всё молчком, в тайне от меня. Думал наверное, что жена ничего не узнает. Ага, конечно – не узнает. Ещё как узнает и будет о-о-очень недовольна. Ещё раз скажу: я голосую за бункер и кучу всего, в том числе и оружия в нём. Но можно было бы покупать как-то… частями, что-ли, а не бахать сразу огромную сумму денег. Ладно, что-то я разошлась не на шутку. А! Вот ещё вспомнила – винтовку эту снайперскую, огромную дурищу, которая в салон машины не помещается, её-то зачем нужно было покупать? Он, Нейтан мой, из неё, насколько мне не изменяет память, и не стрельнул ни разу. А патроны для той винтовки стоят – ма-а-ама дорога-а-я! Такое чувство, что муж назло мне это сделал. Мол, раз не дала мне одно ружьё купить, так я другое приобрету, в пять раз дороже предыдущего. М-да, такие вот дела.

При нашем появлении в… кубрике – вспомнила слово! Точно, моряки место, где команда живёт кубриком называют, так мне кажется. Или нет?.. Не важно, в общем. Так вот,

при моём и Нейтана появлении Изгои все, как по команде повернулись в нашу сторону. Томпсон и Рид заулыбались, Николсон как всегда оставался серьёзен, но приветливо кивнул. Лишь Специалист Олин, увидев нас, рассеянно тряхнул головой и тут же снова уткнулся в экран своего «Пип-Боя», лежащего перед ним на скатанном суконном одеяле серого цвета. Он подключил к компьютеру портативную клавиатуру и теперь с сосредоточенным видом что-то печатал, быстро тыкая в клавиши указательными пальцами обеих рук. Играющие в карты посланники даже не повернули головы в нашу сторону, настолько были увлечены игрой. У дальней стены, ближе выходу из кубрика в короткий узкий коридор, ведущий в рубку управления, в унисон храпели два матроса. В ночную вахту сегодня от Изгоев идёт Рид, от посланников Трамп – здоровенный детина с постной конопатой физиономией и волосами цвета спелой пшеницы.

Один матрос спал в подвешенном к потолку гамаке и лишь слегка покачивался в такт движению катера по волнам. Его товарищ, видимо, гамаки не уважал и разлёгся на полу, до половины тела погрузившись в спальный мешок, а верхней частью корпуса закутавшись в одеяло, сшитое из множества лоскутков разного цвета. При этом он от каждого толчка слегка катался вправо-влево, словно дитя в люльке, которое укачивает заботливая мать. Не укатиться куда-нибудь на середину кубрика спящему матросу с одной стороны не давала стена надстройки, с другой его ограничивал свёрнутый

в рулон и перевязанный верёвкой на манер большой колбасы старый матрас. Для устойчивости матрас был прижат к полу тяжёлой ржавой гантелей, неизвестно откуда и для каких целей оказавшейся на судне.

Мы присели на свободное место рядом с защитником Ридом и я спросила:

–А вы почему не спите? Вам же заступать в ночную вахту. Не боитесь на посту уснуть?

–Ха, мэм, да что бы я спал на посту! Такое попросту невозможно. Наша подготовка позволяет вообще не спать по несколько суток кряду, при этом не испытывая каких-либо неудобств и почти не теряя энергичности.

И Защитник самодовольно усмехнулся, явно гордясь собой и родной организацией, давно ставшей для каждого из них настоящей семьёй.

–Да-да, ещё расскажи, как ты «Баффута» обожрался, что бы, как ты говоришь «не терять энергичности», – усмехнулся не отрывая взгляда от экрана компьютера и продолжая набирать текст Специалист Олин. – И как тебя потом откачивали, и как ты спал после трое суток подряд, а ещё трое ходил, как пьяный и зевал всё время.

Рид не смутился и не стал отпираться, а лишь весело рассмеялся:

–Ха, это да – это был тот ещё случай! Нагоняй я знатный получил в тот раз от Хранителя. Неделю в патрулях ходил, по самым противным местам на пару с ещё одним таким же

косячником. Но вот роботу за что досталось – до сих пор не пойму.

–Какому роботу? – рассеянно пробормотал Олин, не прекращая печатать.

–Ну как же, – хитро подмигнул нам Рид. – Мы-то с напарником в патрулях на фронтире за упоротые косяки находились, а робот-кибермозг, который по штату патрулю положен за какие грехи в такую дальнюю даль переться должен был?

Защитники дружно засмеялись, а Специалист махнув рукой на Рида сказал:

–Да ну тебя, Семюэл, вечно ты какую-то чушь порешь, – и он отвернулся, сделав вид, что кроме экрана «Пип-Боя» его ничего больше не интересует.

–Что, Олин, не вышло Рида подначить? – усмехнулся Николсон, беря в одну руку шомпол с навинченным «ёршиком», а в другую отсоединённый от ресивера ствол винтовки.

Специалист не удостоил его ответом, буркнув лишь что-то невнятное, и Защитник пару раз усмехнувшись, вернулся к прерванному занятию. Катер ходко шёл по волнам, разрезая водную гладь своим днищем. И на секунду мне показалось, что всё произошедшее с нами до сегодняшнего дня есть не что иное, как просто страшный сон, кошмар, который рассеется, стоит только проснуться и открыть глаза.

Глава 2

Нейтан. Патрульный катер «Гарпия», Атлантика.

Приключения начались буквально на второй день нашего морского «круиза». Недолго, как говорится, счастье длилось. Первые сутки плавания прошли на удивление гладко. Море было спокойным, погода отличной, ровно, без сбоев работающие двигатели несли катер навстречу ветру и мы невольно расслабились. Днём обогнули залив Кейп Код и окружавший его полуостров, ставший жертвой сильного землетрясения, одного из множества тех, о которых я упоминал ранее. Узкая полоса полуострова, дугой огибавшая залив, не выдержала сильнейших сотрясений, вызванных подвижками земной коры, которые в свою очередь были спровоцированы ядерными атаками по всей земле, и раскололась аккурат посередине. Стоявший на этой самой середине небольшой городок Барнстейбл ухнул в пучину вместе с куском полуострова, и его поглотили океанские воды. Заодно с ним утонул и другой город, расположенный на полуострове – Гианис. Он стоял на одной линии с Барнстейблом, как раз на том самом месте, где проходила полоса разлома материковых плит. Города Харвич, Деннис и Брустер сильно пострадали и были стёрты с лица земли, превратившись в сплошные руины. Чатем, Орлеан и Уэлфлит разрушились меньше, но выглядели столь же плачевно. «Гарпия» обогнула это гиблое место

по широкой дуге и пройдя между двумя небольшими островами, вернулась на прежний маршрут, продвигаясь дальше вдоль побережья. Прошли Ньюпорт, Гринхилл и Чарльстаун, приблизившись к Квоноконтогу, когда уже начало смеркаться. Пользуясь хорошей погодой, моряки старались пройти за день как можно больше, и «Гарпия» неслась вперёд на крейсерской скорости, оставляя за кормой милю за милей. Близко к побережью старались не приближаться, держа материк в пределах видимости. Но на ночёвку далеко в открытом море не остановишься, и штурман повернул штурвал, направляя катер в сторону видневшегося вдалеке побережья. Подойдя на расстояние примерно полумили от берега, судно остановили и бросили якорь. На «Гарпии» имелся надувной бот с подвесным мотором, который был закреплён вдоль борта с левой стороны, если смотреть по ходу движения, и при необходимости на нём можно было добраться до суши. Но высаживаться на незнакомый пустынный берег ни у кого желания не возникло. С борта судна мы видели кромку берега, полосой песчаного пляжа уходящую в обе стороны от нас, за ней виднелись заброшенные, унылые, полуразрушенные дома Квоноконтога, один вид которых отбивал всякое желание что-то там исследовать.

Двигатели заглушили, катер замедлил ход и почти остановился, медленно дрейфуя и покачиваясь на волнах. Вечно поддатый, без конца икающий моторист, которого, как я узнал сегодня, звали Майк, захлопнул крышку люка, веду-

щего в моторный отсек, вытер тряпкой испачканные машинным маслом руки и достал из кармана на груди маленькую бутылочку. Похоже, у него с собой целая батарея таких бутылочек. Он пьёт и пьёт, а они всё не кончаются и не кончаются, только успевает опорожнять и бросать пустую тару за борт. И где их Майк в таком количестве на судне прячет? Загадка, однако… Я отвернулся от присосавшегося к горлышку моториста и посмотрел в сторону берега. Печальное зрелище. Впрочем, как и везде.

Потихоньку темнело, багряное солнце уже почти полностью скрылось за горизонтом, остался видим только небольшой краешек, да и тот исчезал на глазах. Ночь опустилась на океанскую гладь, но огней на судне мы не зажигали. Незачем ненужное внимание с берега к себе привлекать. А то можно, знаете ли, незваных гостей дождаться. В наше нелёгкое время благодаря всей той гадости, что так усердно распыляли и рассыпали повсюду в ходе Великой Войны все воюющие стороны, столько разных «зверьков» расплодилось, что всех и не перечислить. И при этом в, казалось бы, «устаканившемся» мире нет-нет, да и появится какая-нибудь очередная разновидность «новых жизненных форм», ага. И не все из них, монстров этих радиационных, только по земле ходят, предпочитая твёрдую поверхность всем остальным частям нашего пространства. Некоторые ещё и летать умеют, чем с большой охотой пользуются, а какие-то плавать и нырять, да и вообще жить под водой приспособились. Забегая вперёд

скажу, что такие вот водоплавающие вскоре нам чуть так рога не навертели, если бы не – догадайтесь, кто? Правильно – Нора. В очередной раз она проявила себя и в буквальном смысле вытащила всю нашу экспедицию из глубокой задницы, в которую нас тащили полным ходом эти морские дьяволы. И если бы не моя жена, то там бы наше путешествие и закончилось.

Когда все поели, большая часть команды улеглась спать, а назначенная четвёрка заступила в ночное дежурство. Как я уже говорил, никакого освещения на катере не включали и кругом стояла полная темень, разбавляемая лишь слабым светом далёких звёзд, да луна освещала судно с одного борта, создавая ломанные причудливые тени. У караульных были с собой фонари, и ещё на крыше рубки установлен мощный прожектор, чей рефлектор закрыт решёткой, открывавшейся на манер жалюзи. Раньше такими прожекторами подавали сигналы с корабля на корабль азбукой Морзе. Один из пулемётов, тот, что стоял на корме сняли с турели и переставили на правый борт, обращённый в сторону берега, так как основная опасность исходила именно оттуда. За пулемёт встал Защитник Рид, как самый меткий из всех, дежуривших ночью. Трамп устроился на носу судна, притащив себе из рубки раскладное походное кресло.

Ночь прошла спокойно. Тихо плескались волны, ударяясь о борта катера, слегка покачивая и убаюкивая тех, кто спал в кубрике. Время от времени негромко перебрасывались фра-

зами дежурившие снаружи, иногда с берега доносились какие-то далёкие невнятные звуки. Рид потом говорил, что видел пару раз какие-то огни на берегу. Это заставило его насторожиться и остаток ночи Защитник провёл, внимательно вглядываясь в сторону городских руин и не отнимая пальцев от гашетки пулемёта. Трамп подтвердил слова Рида сказав, что так же заметил какое-то свечение вдалеке. Но что это были за огни, и какова была природа этого явления, наверняка сказать он не мог. Это лишний раз доказывало, что пустынный и безлюдный берег является таковым лишь на первый взгляд и расслабляться нам не стоит. Мало ли кто или что там может быть. Я лично видел таких существ, против которых наш грозный катер, что мышь против ягуара.

Утром я и Нора попили компота из сухофруктов, сваренного мной на маленькой спиртовой горелке. Заодно Нору подучил, как её разжигать и настраивать, ничего сложного в этом нет. Занимались мы этим нехитрым делом на палубе позади надстройки. Маленький котелок из нержавейки у меня всегда с собой, воды в него налил, горсть сушёных фруктов туда бросил, на огонь поставил – всего-то и делов. Зато получили вкусное и полезное питьё с утра пораньше. Пока пили, дуя на горячую жидкость в кружках, съели по паре твёрдых, как дерево галет из сухпайков, оставленных с вечера. Что бы не сломать ненароком об это кулинарное чудо зубы, макали галеты в горячий напиток. Пока остужали компот и грызли печеньки, к нам подошёл зевающий на ходу

Защитник Рид. Потянулся, покрутил носом, принюхиваясь к аромату распаренных сухофруктов. Нора угостила Защитника компотом, от галет он отказался. Отпил, обжёгся, но похвалил сказав, что напиток очень вкусный. Вот тогда-то он и рассказал, что видел на берегу какие-то огни. После то же самое сказал капитану и остальным, когда мы вернулись в рубку. Трелони выслушал Изгоя, нахмурился, кивнул задумчиво, жуя мундштук своей трубки. После чего подозвал двух матросов и вполголоса что-то им сказал. Те кивнули и умелись каждый на своё место.

Через полчаса Рид уже спал, покачиваясь в своём гамаке, матросы, дежурившие ночью, то же спали. Не стал ложиться только Трамп, вместо отдыха усевшийся играть в карты со своими друзьями-посланниками, которые достали колоду, едва успев продрать глаза и кое-как сполоснув небритые физиономии. Даже ели и пили, не прекращая игры. Специалист Олин проснувшись, умывшись и посетив гальюн, есть и пить с утра не стал, а сразу уселся за свой компьютер, снова начав что-то печатать на маленькой клавиатуре. Книгу он там, что ли, пишет? Или… Скорее всего, Олин ведёт подробный походный дневник, что бы потом передать данные в архив, которые Изгои Братства с недавних пор составляли отдельно от Цитадели. Насколько мне известно, Изгои занялись этим делом сравнительно недавно. До этого они никаких записей о своей деятельности на территории Столичной Пустоши не вели и теперь архивируют всё, в чём так или иначе прини-

мают участие или принимали раньше.

Николсон и Томпсон вышли наружу, на палубу. На корме, на небольшой площадке позади надстройки они организовали тренировку по рукопашному бою. Раздевшись до пояса, Изгои стали обмениваться лёгкими ударами рук и ног. Небольшая качка им ничуть не мешала, лишь добавляя экстрима и усложняя спарринг. Я вышел подышать свежим морским воздухом, Нора осталась в кубрике – сказала, что хочет почитать что-нибудь. Она, когда мы ещё на базе Братства были, в тамошней библиотеке выпросила пару каких-то книжек и теперь у неё наконец-то появилось время для чтения. Я пожал плечами и вышел на палубу, где тренировались Защитники. Глянув на их упражнения, я то же решил заняться чем-нибудь полезным и поразмыслив немного, выбрал для себя одно интересное дело. Вернувшись в рубку, я подошёл к ящикам, которые притащили Изгои. На одном из них лежали наши с Норой пожитки, состоявшие из двух туго набитых рюкзаков, тёплых курток, её и моей винтовок, подсумков с магазинами, компактно сложенных спальных мешков и двух свёрнутых суконных одеял. Всё снаряжение, которое мы везли с собой и то, что одето сейчас на нас, было выдано со складов Братства Стали. Как мы собирались в дорогу – отдельная история. После того неудачного похищения, когда на меня и Нору организовали нападение почти возле самых стен Новой Цитадели, и до дня нашего отплытия прошла ровно неделя. За это время мы успели как сле-

дует отдохнуть и прийти в себя после всех приключений, которые начались, лишь стоило покинуть стены родного дома в Сенкчуари. Мои глаза, травмированные близким взрывом свето-шумовой гранаты, полностью зажили лишь на четвёртый день пребывания на базе Братства в Бостонском аэропорту. Медик базы выдал мне какие-то капли, которыми я и пользовался, закапывая в каждый глаз по три капли утром и вечером. После того совещания в отделе разведки, на котором шеф Мёрфи познакомил меня и Нору с Защитником Николсоном, мы ещё два раза собирались у него в кабинете, что бы как следует обсудить все детали, касающиеся предстоящего путешествия в Столичную Пустошь. В промежутках между совещаниями мы с женой времени не теряли, а занимались тем, что готовились, по мере возможностей запасаясь всем, что могло нам пригодится в дальнейшем. Попутно я показывал жене Новую Цитадель, объяснял, что и где находится, знакомил с тамошними обитателями. Получилась такая своеобразная экскурсия, сильно растянутая по времени. По-моему, Норе понравилось.

Возможностей как следует затариться всем самым необходимым на одной из самой крупных баз Братства Стали было в разы больше, чем где бы то ни было. Как-никак, это один из центров сбора всевозможных технологий, а значит и доступа к редким, но порой очень нужным штукам, которые в определённой ситуации помогут вам выжить. Как, например, тот же прицел с тепловизором. Установи такой на свою вин-

товку, и получишь преимущество перед противником, которое в определённый момент может оказаться решающим. Рации и гарнитуры с наушниками к ним, настоящие довоенные, хорошие фонари, батарейки, патроны всех видов и калибров, энергоячёйки, добротная, предназначенная для экстремальных условий одежда и обувь, провиант… Да много чего есть на складах Новой Цитадели, всего и не перечислить. Добраться до этих самых складов есть голубая – правда, заведомо несбыточная мечта любого рейдера, мусорщика, да и просто какого-нибудь обычного обитателя пустошей. Это вам не по окрестным помойкам шариться, обходя их по кругу в сотый раз подряд. У Братства Стали одни технологии стоят на службе у других, вернее используются для того, что бы найти, добыть и сохранить то, что уже найдено и добыто. Вот, например, может помните, я как-то уже говорил, что у Артуро Родригеса, известного торговца оружием из Даймонд Сити, патроны покупать не буду, а лучше закуплюсь в Братстве? Поясню, почему. У Родригеса патроны откуда, как вы думаете? А оттуда же, откуда и у большинства местных – я Содружество имею в виду. А именно, от парочки кланов с побережья на западе, промышляющих переснаряжением этих самых патронов – релоудингом в промышленных масштабах. Бригады мусорщиков, рыскающие по развалинам, которым конца-края не видно, набирают, где попадутся разнокалиберные гильзы, как правило стреляные и разной степени паршивости. Приносят их на станцию при-

ёмки, которые есть , как правило, во всех более-менее крупных поселениях. Там приёмщики их сортируют, отбирают более-менее пригодные к релодингу, а оставшийся ненужный хлам попросту выбрасывают. Старатели получают свои крышки за проделанную работу, всем спасибо, все свободны. Кстати, даже найденные старые, ещё довоенные, но хорошо сохранившиеся патроны всё равно потом разбирают и снаряжают заново. Почему так делают – объяснять не нужно, я надеюсь? Единственный и довольно таки большой плюс таких патронов – это оболочечные пули заводского изготовления. Но в остальном… Мне приходилось стрелять такими. Всё равно процент осечек довольно высокий. Но хоть попадаешь туда, куда целишься.

Так вот, когда на станции приёмки накапливается достаточное количество гильз, их упаковывают в мешки и отправляют в клановые мастерские, где и переснаряжают. Некоторые старатели-мусорщики специально только поиском и сбором гильз занимаются, но таких всё же довольно мало. Казалось бы – а что такого плохого в переснаряжённых патронах? Ведь раньше, ещё в довоенные время многие стрелки этим занимались, практикуя релодинг боеприпасов для своего оружия, особенно те, кто практиковал высокоточную стрельбу на дальние дистанции. Ключевое слово здесь – «для своего». Логика тут простая. Не буду углубляться в тонкости этого дела, как и в то, что отличающиеся на тысячные доли дюйма патронники дают разное раздутие гильзы, и заново

снаряжённые патроны, стрелявшие прежде из одного ствола, могут попросту не влезть в патронник другого. Скажу лишь, что переснаряжённые кустарями-любителями, они не идут ни в какое сравнение с боеприпасами, выпускаемыми автоматическими производственными линиями в Братстве Стали. С соблюдением всех довоенных технологий, а как же иначе. Другое дело, что далеко не у всех есть доступ к подобной технике, как и к необходимым материалам и веществам. Подчёркиваю – к работающей технике. И уж точно нигде вы не найдёте специалиста, способного эти машины привести в чувство, настроить и заставить работать. А в Братстве Стали такие специалисты есть, как и функционирующие станки. Вообще, для меня до сих пор загадка, где эти самые кустари-артельщики, которые снабжают переделанными боеприпасами всю округу, берут некоторые составляющие для сборки патронов. Ну, пули-то они сами отливают – это как раз несложно. Но оболочек у них, у пуль этих самых, нету и стволы засираются свинцом довольно быстро. Да и точность при мощном заряде и безоболочечной пуле крупного калибра оставляет желать лучшего. А для полностью автоматического огня подобные боеприпасы так и вовсе малопригодны. Но главное – чего я вообще не пойму, это где они берут капсюли… Ведь это самое узкое место в изготовлении патронов для стрелкового оружия. Да и вообще любых патронов. Хм… Не понятно. Ну, порох-то можно ещё, зная рецептуру, из каких-нибудь заменителей замешать… как мне кажется.

Или нет? Вот тут могу ошибаться, химик я тот ещё. А вот капсюль «на коленке» вряд ли смастерить получится, это совершенно определённо. В общем, загадка. Ну, как-то так.

Когда я вернулся в рубку, Нора полулежала в своём гамаке с книжкой в руках. Она слегка раскачивалась, свесив ногу вниз и отталкиваясь носком ботинка от пола. Увидев меня улыбнулась, перевернула страницу и снова углубилась в чтение. Я же подошёл к вещам и полез в свой рюкзак. Найдя нужную мне вещь, вернул поклажу на место и направился обратно на палубу, по пути нагнувшись и чмокнув жену в щёку – не удержался. Когда вышел на корму, неутомимые Защитники по прежнему обменивались ударами, чередуя их с уклонами и блоками. Их конечности мелькали, соединяясь в неуловимые глазу комбинации. Молодцы парни, что тут скажешь. Я бы ни с одним из них на кулаках померяться не хотел бы. Тут точно без шансов. Ну, кому рукопашный бой, а кому-то и кое-что другое… Я отошёл к противоположному борту, туда, где был узкий проход, идущий вдоль стены надстройки. Там я нацепил на руку одну штуку, за которой я ходил в кубрик и лазал в рюкзак. Эта вещь мне понадобится для упражнений. Я уже где-то с полгода регулярно тренируюсь – ну, стараюсь тренироваться в выхватывании пистолета из кобуры на скорость. Очень полезный навык, скажу я вам. Особенно в настоящее время. И поверьте, практиковаться я начал в подобном не от того, что мне заняться больше нечем. Однажды, в недалёком прошлом навык быстрой стрельбы,

которым в совершенстве владеет один мой хороший знакомый, можно сказать друг, спас жизнь нам обоим. Не умей Ник со скоростью молнии выхватывать свой револьвер, и с той же скоростью стрелять не целясь и рассуждая, лежать бы нам, скорее всего, двумя хладными трупами на покрытом металлической плиткой полу в том чёртовом убежище. Вернее – это я хладным трупом стал бы, Ник и так не сильно теплее окружающей среды. А всё потому что он синтетик, или, говоря проще – синт. Это я сейчас про Ника Валентайна, сыщика из Даймонт Сити говорю.

Пристегнув к правому запястью ремешками с застёжками наруч «утяжелителя» – это мой так называемый тренажёр, я достал из кобуры пистолет и разрядил его, вытащив магазин и выбросив патрон из патронника. Пощелкал затвором туда-сюда для пущего контроля, спустил курок и убрал оружие в кобуру. Потом встал лицом к борту, расслабился, опустив руки вдоль тела, после чего – раз! Быстро выхватил пистолет и направил его в борт, прицелившись в пятно возле края борта, просвечивающее сквозь слой краски. Убрал пистолет обратно. Снова выхватил и прицелился. Опять убрал. И вот так по возможности каждый день, хотя бы полчаса, а лучше час тренировки. До скорости Ника с его биомеханическими конечностями мне не дотянуться, конечно, и стрелять не целясь от пояса так же метко, как он у меня ещё очень не скоро получится, но кое-чего я уже достиг. Утяжелитель, выполненный в виде кожаного пенала с ячейками, в которые встав-

лены свинцовые пластинки, пристёгнутый к руке создаёт дополнительное сопротивление, причём довольно-таки ощутимое. Рука, конечно, быстро устаёт. Но зато без утяжелителя скорость, с которой оружие извлекаешь из кобуры, заметно возрастает. Пистолет кажется лёгким, будто пёрышко. Таким манером я стал сосредоточенно тренироваться, раз за разом выхватывая и убирая пистолет, не обращая при этом внимания на окружающую обстановку и игнорируя едкие ухмылки и комментарии, время от времени как бы невзначай посылаемые в мой адрес капитаном Трелони, в очередной раз вышедшим покурить на палубу из рубки управления. Кури, кури – может, быстрее сдохнешь, хе-хе. Когда я уже порядком устал и собрался передохнуть, случилось то, к чему мы точно не были готовы…

Нора. Патрульный катер «Гарпия», Атлантика.

В кои-то веки, наконец, выдалась возможность почитать книжку. Боже мой, сколько же я раньше читала! Будучи подростком я буквально «проглатывала» книгу за книгой, читая запоем и тратя порой на это занятие всё своё свободное время. Подруги прозвали меня «книжным червём», а маме порой приходилось чуть ли не силой выставлять меня на улицу погулять и подышать свежим воздухом. Я читала всё – и мировую классику от «Анны Карениной» и «Война и Мир» Льва Толстого до «Гамлета» Шекспира, и фантастику, и детективы – особенно любила произведения Чейза, и любовные романы… Да чего я только не читала! Даже когда роди-

ла – и тогда с книжкой не расставалась. Шона грудью кормлю, руками придерживаю, а у самой на столе книга раскрыта и я одним глазом туда заглядываю. Как мой муженёк пушки свои обожает и готов целыми днями с ними возиться, так я люблю литературу. Одно время даже писать пробовала. Давала подругам и маме почитать – говорили, что у меня неплохо получается. Но как-то дальше пробных заходов, результатом которых стали несколько исписанных шариковой ручкой тетрадок-черновиков, дело у меня не пошло. То одно, то другое… Всегда находились какие-то более важные дела, заботы, пожирающие время, которое в другой ситуации я могла бы потратить на упражнения в писательском деле. А мне это так нравилось! Когда-нибудь, если проживу достаточно долго, обязательно напишу книгу, в которой подробно опишу все наши приключения начиная с момента, как мы в самом начале Великой Войны спустились в Убежище 111.

Когда мы в Новой Цитадели были – так теперь Бостонский аэропорт, а вернее то, что от него осталось называют, то оказалось, что у них там библиотека есть. Представляете? Целая библиотека довоенных книг! Я Нейтана туда в первую очередь потащила – его там знают и мне позволили взять с собой пару книг на выбор. С возвратом, разумеется. Я выбрала «Короли и капуста» О. Генри и «Эпоха невинности» Эдит Уортон. Книги были далеко не первой свежести, с пожелтевшими страницами, но и не настолько ветхие, что бы рассыпаться в прах при первом же прикосновении. Я пообе-

щала выдавшему их мне Писцу, заведующему библиотекой, что буду очень аккуратной. И вот теперь сижу-лежу в гамаке, наслаждаюсь чтением. Катер идёт, команда занята своими делами, я же предоставлена сама себе и пользуюсь моментом для собственного удовольствия. Нейтан заходил, что-то искал у себя в рюкзаке. Потом ушёл обратно на корму, не забыв поцеловать меня по дороге. Там, на корме Томпсон и Николсон тренируются, руками машут – мне в заднюю дверь со своего места их видно. Нейтан то же что-то такое затеял, с пистолетом что-то выделывает. Если приподняться, то в иллюминатор можно увидеть, как он раз за разом ритмично повторяет одни и те же движения. Пистолет на скорость выхватывать тренируется, что ли? Похоже на то. Ах да, точно – он же ещё дома мне про что-то такое говорил. Я тогда ответила «да-да», покивала, а сама о чём-то другом думала в тот момент, вот и вылетело из головы. Он, помнится, мне ещё тогда предлагал то же начать учиться пистолет из кобуры быстро выдёргивать. Я что-то там пообещала, потом закрутилось-завертелось и забыли. Теперь начнёт, небось, опять приставать с тренировками, хотя сегодня ничего не сказал. Ну, я ещё утром предупредила, что почитать хочу.

В кубрике как-то незаметно потемнело, я поняла, что напрягаю глаза, что бы разобрать буквы. Обернувшись, я посмотрела в прямоугольное окошко у меня за спиной. Небо затянуло серыми тучками, поднялся небольшой ветер, но дождя не было. Где-то далеко-далеко несколько раз сверкнуло,

но раскаты грома до слуха не доносились. Судя по всему, «Гарпия» шла по самому краю грозового фронта. В иллюминаторы на противоположной стене вдруг стали видны покрытые водорослями огромные камни, гигантских размеров валуны, проплывающие в опасной близости от нашего судна. Видимо, по ходу маршрута мы наткнулись на одно из скальных образований, появившихся в результате сейсмической активности, о которых нас предупреждали, когда готовили команду к путешествию по океанским водам. Катер замедлил ход, из рубки управления донёсся громкий бас капитана, отдающего команды. Снаружи забегали, затопали матросы, перекликаясь друг с другом. Мимо открытой двери в направлении моторного отсека нетвёрдой походкой проковылял моторист Майк, загремел там чем-то. Я отложила книгу, вылезла из гамака и подошла к иллюминатору. Картёжники-посланцы в своём углу перестали шлёпать картами и сидели тихо, как мыши. Незадолго до этого Трамп, сыгравший с ними несколько партий, стал зевать, тереть глаза и в конце концов отправился спать, оставив напарников вдвоём коротать время с колодой карт. Сейчас же он проснулся и сидел в гамаке, мутными спросонья глазами непонимающе глядя на окружающую обстановку.

–Что случилось? – хриплым голосом спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно. – Почему замедлились?

«Гарпия» сейчас двигалась со скоростью пешехода, медленно пробираясь среди скал, высившихся теперь с обеих

сторон.

–Скалы кругом, – ответил за всех Нейтан, заглянув в кубрик. – В иллюминатор выгляни. Похоже, раньше их здесь не было.

–А-а, – равнодушно протянул Трамп. – Тогда понятно.

Он завалился обратно в гамак и закрыл глаза. Вот железные нервы у человека! Или просто такой пофигист по жизни, что всё ему до одного места, бывают такие. Защитники на корме перестали издавать резкие хэкающие звуки, с которыми они наносили удары, прервали свои занятия и теперь так же смотрели на завораживающее зрелище, которое разворачивалось вокруг нас. А скалы впереди и с боков не кончались, становясь всё выше и выше. «Гарпия» шла среди этого каменного нагромождения, сверху придавленного свинцовыми облаками уже около трёх или четырёх миль, а оно и не думало заканчиваться, простираясь во все стороны так далеко, что не хватало взгляда, что бы охватить всё это величие. Сразу стало как-то тихо вокруг, лишь вода едва слышно плещется о борта судна. Проникшись окружающим мрачным великолепием, люди на катере невольно притихли и настороженно поглядывали по сторонам. То и дело слышны были резкие возгласы вперёдсмотрящего, сидящего в специальной кабине на крыше рубки управления. Сейчас там находился чернокожий матрос Скамейка. Он предупреждал рулевого, если «Гарпия» слишком опасно приближалось одним из бортов к скалам. Ему сверху лучше видно, чем

из рубки с её небольшими продолговатыми окошками. Тому, кто находился у штурвала и так приходилось вести судно почти вслепую, петляя среди гигантских валунов, словно в лабиринте. Два матроса встали на носу с обоих бортов с длинными шестами в руках, которыми не переставая прощупывали чёрную бездну впереди катера. Наконец, когда уже казалось, что скалам не будет конца, далеко впереди мелькнул просвет, обозначавший окончание каменной гряды. Но тут в окружающее безмолвие вторгся какой-то посторонний звук.

Сначала тихий и едва различимый, на самой грани слуха, он зародился где-то в глубине скал и с каждой секундой нарастал, звучал всё громче, заполняя собой всё окружающее пространство. Протяжное, на одной ноте звучание, в какой-то момент разделилось на два голоса, превратившись в напев, своей необычной мелодией проникавший в самую глубину души. Невозможно было не замереть в восхищении, начав прислушиваться к мелодии в попытке уловить каждый перелив, каждый оттенок этой чудесной песни. Спустя минуту все, кто был на катере превратились в статуи, неподвижными фигурами с закрытыми глазами и блуждающими улыбками наслаждения на лицах, застыв на месте, всем существом внимая чудесному песнопению. Всё это я отмечала той часть сознания, которая обычно наблюдает за происходящим как будто со стороны, отстранённо подумав, что так в древних легендах поют морские сирены перед тем, как навсегда увлечь в морские глубины впавших в гипнотический

транс мореплавателей. Медленно повернув голову я увидела, что посланники Джесси Джеймса лежат кучкой в своём углу и не шевелятся, как и их товарищ, спящий сейчас в гамаке. Я посмотрела туда, где был угол Отступников. Специалист Олин застыл, склонившись над клавиатурой, пальцы лежат на клавишах, но не шевелятся, голова с закрытыми глазами безвольно свесилась на грудь. Плеска опускаемых в воду шестов и возгласов вперёдсмотрящего то же не было слышно, замолчал на полуслове капитан, гулкий бас которого перед этим непрерывно доносился из рубки. А прекрасный напев всё звучал и звучал, завораживая всё больше, магией звука вводя в глубокий транс каждого, чьего слуха он касался. Я почувствовала, как закрываются глаза, а сознание уплывает в дальние дали, заполняясь целиком и полностью волшебной мелодией. Я тряхнула головой, размахнулась и со всей силы дала сама себе пощёчину. Жестокий метод, и не сказать, что приятный, но действенный – в голове сразу же прояснилось. И тут боковым зрением я заметила, как мимо иллюминатора что-то промелькнуло, потом ещё и ещё. Кто-то или что-то проникло на катер извне и шныряло сейчас по палубе. Почему же команда бездействует?

На ватных ногах, пошатываясь и хватаясь руками за что попало я добрела до выхода из надстройки и выглянула наружу. То, что я увидела, не прекращая бороться с накатывающей с новой силой сонливостью, потрясло меня до глубины души. По катеру сновали существа, очень похожие на

людей, но это были не люди. Голые, мокрые, склизкие, с лысыми продолговатыми головами, увенчанными маленькими костяными гребнями на макушке, они громко шлёпали по палубе босыми ступнями, похожими на миниатюрные ласты. Кожа у этих существ походила на шкуру акулы, но в отличие от акульей была тёмно-синего цвета. Всё это я успела разглядеть до того, как один из них повернул голову и посмотрел на меня. Физиономия пришельца доверия не внушала ну совершенно никакого, скорее наоборот. Как сказал бы Нейтан в подобной ситуации: «Ой бля, ну и рожа!». Прозвучало бы это по-русски, так выражаться он научился у Старика из Добрососедства. Мой муж вообще довольно много русских слов знает. Я его просила и меня просветить на эту тему, но Нейтан всегда отнекивался, ссылаясь на сложности освоения русского языка. По-моему то, что он произносит, это сплошь одни русские ругательства, вот и не хочет меня им учить. Ну, не хочет – и не надо, я и на родном английском хорошо материться умею, хоть и не люблю этого делать. Меня надо хорошенько из себя вывести, что бы я матюкаться начала.

Так вот, морда того, кто сейчас пялился на меня своими круглыми, как у рыбы и такими же бессмысленными глазами, человеческое лицо напоминала лишь очень условно. Носа нет, вместо него две узкие щели, лоб покатый, челюсти выдвинуты вперёд, как у пираньи. С двух сторон на шее возле плеч видны закрытые кожистыми пластинками узкие полоски жабер. Ихтиандр, мать его за ногу, самый натураль-

ный! Простите – не удержалась. Разве мог подумать тот русский писатель, давным-давно написавший столь замечательную повесть о любви обычной девушки и парня, умевшего дышать под водой, что его фантазии три века спустя сполна воплотятся в реальность! Только эти вот натуральные, не книжные «ихтиандры», желания влюбляться в них сходу почему-то совершенно не вызывали, скорее наоборот. Так и хочется дать им по башке чем-нибудь тяжёлым. Это злодейское побуждение во мне вызвал тот самый мокрый гад, который сейчас вовсю глазел на меня. Поиграв в гляделки пару секунд, он моргнул вертикальными полупрозрачными мембранами, разинул неожиданно широко раскрывшуюся пасть, всю сплошь усеенную мелкими, но чрезвычайно острыми зубами и зашипел. Из разинутого рта существа на меня пахнуло смесью тухлой рыбы и водорослей, непередаваемым «ароматом» обдав буквально с головы до ног. Я на секунду аж зажмурилась от отвращения. А в следующую секунду увидела нечто такое, что заставило меня буквально взорваться от возмущения и перейти к активным действиям.

Синекожих тварей, вылезших из морских глубин и проникших на катер с каждой секундой становилось всё больше. Когда я вышла из кубрика, их было трое или четверо, во всяком случае, столько я видела на корме. Но сейчас набиралось уже с десяток и всё новые руки с перепончатыми когтистыми ладонями хватались за борт. Но возмутило меня другое: я увидела, как два синих гада подскочили к Защитникам

Николсону и Томпсону, один из которых стоял на коленях, свесив голову на грудь и безвольно опустив руки, а другой и вовсе лежал ничком возле борта, время от времени вяло шевелясь. Схватив Томпсона под руки с двух сторон, они потащили его к краю кормы. Ещё секунда, и они попросту вышвырнут его за борт! Я не стала больше ждать, и зашипев в ответ на синемордого, отчего тот испуганно отшатнулся, бросилась на спину одному из тащивших в воду слабо упирающегося Отступника. Ну, бросилась – это слишком сильно сказано, я просто схватила внезапно неприятно ослабшими руками ближайшего ко мне «ихтиандра» за плечи и попыталась оттащить его от Томпсона. Попытку спасения товарища сразу можно было засчитать, как неудачную. Синий гад вывернулся, клацнул вонючей пастью прямо перед самым моим лицом и так двинул мне в грудь лапой с растопыренными пальцами, что я, словно лёгкое пёрышко, несомое ветром, улетела обратно в кубрик. Пролетела его весь и приземлилась у входа в ходовую рубку. Когда падала, нехило так приложилась головой об пол, благо он покрыт толстыми резиновыми квадратами, а то могла бы затылок в кровь запросто разбить.

А завораживающая песнь всё звучала, ни на секунду не умолкая, и люди на судне окончательно потеряли всякую волю к сопротивлению. Один только мой Нейтан по непонятной причине сопротивляясь гипнотическому воздействию упорнее всех, попытался дать отпор заполонившим палубу

монстрам. Он, держась одной рукой за голову и ежесекундно ею встряхивая, другой вытащил – не выхватил, а именно вытащил из кобуры пистолет, гуляющей из стороны в сторону рукой направил его на самого здорового из «синих» и нажал на спуск. Но выстрела не последовало, лишь боёк сухо щёлкнул впустую. Патрона в патроннике не было. Видимо, находясь под мороком таинственной песни, многократным эхом отражающейся от окружающих скал, мой муж забыл, что разрядил пистолет перед тем, как начать тренироваться. Это и сыграло с ним злую шутку. Я, всё ещё лёжа на полу, через дверь кубрика видела, как житель океанской пучины широко замахнувшись ударил Нейтана по голове своей мускулистой лапищей. Тот только и успел, что подставить руки, попытавшись хоть как-то прикрыть ими голову. Отчасти защита ему удалась и удар, отклонившись от руки, прошёл вскользь. Но и этого хватило, что бы Нейтана снесло с ног, словно кеглю для боулинга. Он отлетел в сторону, с силой врезался в стену надстройки и медленно сполз по ней на пол. Его пистолет куда-то улетел, было слышно, как он несколько раз обо что-то звякнул. Я в ярости сжала зубы и попыталась сесть, оперевшись сначала локтями, а потом ладонями, и это мне, хоть и с огромным трудом, но всё-таки удалось. И в этот момент что-то произошло.

Звук таинственного песнопения не прекратился, но каким-то образом изменился, неуловимо перейдя в диапазон, близкий по своему качеству к ультразвуку. Человеческое ухо

его уже вряд ли услышало бы, но вот моё тело отреагировало на него совершенно странным и неожиданным образом… Трудно описать испытанные на тот момент ощущения. Ближе всего будет, наверное, сравнить это с тем, когда случайно коснёшься пальцами оголённого провода под напряжением. Моё тело, начиная от кончиков пальцев на ногах и до самой макушки, будто сильный электрический разряд прошиб. От этого у меня глаза едва из орбит не повыскакивали и я чуть, пардон, не описалась потому, что тело сперва свело судорогой, выгнув дугой, а потом оно вдруг резко расслабилось. Буквально сразу за этим свет в глазах померк, пропал звук, но тут же вернулся и приятный женский голос внутри моей черепной коробки отчётливо произнёс: «Активация боевого комплекса «Возмездие»… Инициализация… Запрос нейросети… Подтверждение… Синхронизация с носителем… Провожу настройки параметров.» Мир вокруг меня вдруг замер, замедлившись настолько, что снующие туда-сюда на корме катера «синие», которых я видела через открытую дверь, двигались теперь не быстрее ползущей по дереву улитки, а водяные брызги сверкающими искорками медленно опускались на мокрую палубу. Я почувствовала, как мои мышцы вдруг налились силой, бурным потоком заструившейся внутри тела, пальцы сами собой сжались в кулаки и разжались, всё моё существо буквально распирало от бьющей через край энергии. «Синхронизация завершена. Произвожу поиск целей» – и тут же фигуры людей

и вылезших из пучины морской тварей окрасились в разные цвета.

Люди засветились мягким зелёным светом, в то время как «синие» очертились ярко-красным контуром, а ещё в кубрике вдруг стало как-то заметно светлее. Я в замешательстве подняла к глазам руку и просто обомлела – сквозь кожу ладони пробивалось бледно-голубое сияние, от запястья к кончикам пальцев пробегали тоненькие светящиеся дорожки, похожие на непрерывные электрические разряды. И что интересно – всё это световое шоу у меня под кожей не вызывало ни малейшего дискомфорта в теле. Сидя на полу в кубрике я сияла, как рождественская ёлка! Потрясённая увиденным, я зажмурилась что есть силы и помотала головой, продолжая сидеть, как дура с растопыренными пальцами на вытянутой руке. Через пару секунд открыла сначала один глаз, потом второйой. Свечение, исходящее изнутри потускнело, дорожки-разряды пропали, а голос внутри головы равнодушным тоном произнёс: «Обнаружена неизвестная форма жизни. Предположительный статус – враждебный. Степень опасности – максимальная. Рекомендация – уничтожение. Запрос на подтверждение» – и замолчал, вернее – замолчала в ожидании. Замедленное кино вокруг меня продолжалось, а я по-прежнему не понимала, что происходит. Глядя в дверной проём, я отстранённо подумала, что красных фигур на палубе заметно прибавилось. «Повторный запрос на подтверждение уничтожения враждебных форм» –

мадам в моей голове оказалась на редкость настойчивой. И тут я поняла – это же она меня спрашивает! Я – носитель. В эту секунду реальность вдруг начала ускоряться, фигуры на корме задвигались заметно быстрее, и я с ужасом увидела, как два «ихтиандра» почти уже перевалили через борт безвольное тело Защитника Томпсона. Хорошо ещё, что обладающий крупным телосложением Изгой был довольно тяжёл, и быстро справиться со своей задачей у водоплавающих не получалось. Но, как ни крути, они уже были близки к своей цели. Ещё пара секунд, и скованное гипнотическим трансом тело бедняги поглотит океан!

–Подтверждаю! – заорала я что есть силы.

И тут началось такое! Моё сознание вдруг буквальным образом было отодвинуто на второй план какой-то неведомой силой, которая рывком поставила моё тело на ноги. Рука сама собой потянулась к рукоятке стилета, надёжно сидящего в кожаных ножнах, закрепленных на высоком, доходящем почти до колена голенище ботинка с застёжками у меня на ноге. Пальцы сжали приятную на ощупь рукоять и потянули наружу, обнажая узкий, зловеще блеснувший в полумраке кубрика клинок. В следующую секунду моё тело ринулось на выход, по пути буквально снеся одного из «синих», сходу врезав ему наотмашь носком ботинка прямо в голову. Как только нога так высоко задралась! Я ведь далеко не гимнастка или балерина какая, и никогда ею не была. Растяжка у меня так себе. А тут никакого напряжения даже не почувство-

вала. Махнула ногой в тяжёлой обуви выше головы с такой лёгкостью, будто рукой муху отогнала. Всё это я отстранённо отмечала из «дальней комнаты», в которой оказалась моя личность – хочется надеяться, что на время, словно наблюдая происходящее через экран телевизора, а не участвуя в действии напрямую. Это как будто я сижу себе в удобном кресле, наслаждаясь теплом и уютом, расслаблено комментируя действие, а кто-то там, по ту сторону экрана в эту минуту носится, дерётся, что-то там ещё вытворяет…

Ураганом вылетев на палубу, я, а вернее сказать – моё тело под управлением какого-то другого оператора врубилось в самую гущу светящихся красным фигур, первым делом всадив под лопатку по самую рукоять стилет одному из тех, кто тащил Защитника Рида в воду. Водоплавающий злодей издал звук, похожий на кваканье лягушки, выгнулся дугой и бултыхнулся за борт, подняв тучу брызг. Его напарник в одиночку не удержал тяжёлое тело и уронил его на палубу. Раззявив пасть, он зашипел и махнул когтистой лапой, целясь мне в голову. «Оператор» мгновенно отреагировал, дёрнув моё тело в бок и вниз, уводя его из-под удара. Шаг в сторону, разворот, и окованный металлической полосой каблук с силой врезается в живот противнику, сложив его пополам и отправив вслед за напарником за борт. В самый момент удара я различила отчётливый хруст. Ну и силища! Ноги у меня, конечно, накаченные за счёт занятий велоспортом, но что бы такие удары раздавать… К подобному я совершенно была не

готова. Вот и проявила себя «начинка», которой с избытком напичкано моё тело.

«Осталось менее пятидесяти процентов доступной энергии», – вдруг произнёс голос. – «Рекомендуется задействовать систему активного прицеливания». И тут же над головами «ихтиандров» появились цифры в процентах. Причём у одних числовые значения были меньше, а у других больше. «Распределите цели». «И как распределять?» – мелькнула у меня мысль, а тело в это время продолжало двигаться, волчком вертясь между нападавшими, раздавая удары направо и налево, мешая им и не давая трогать людей. Подсказку выдал «оператор» всего этого безобразия: «Активировать функцию автонаводки?» Да! «Выполняется…» Вот спасибо тебе, дорогуша! Теперь не надо будет самой выбирать, кому первому вмазать. А пока… Вот он, красавчик! На, падла! Что – больно? Очередной монстр от сокрушительного удара ногой в голову растянулся на палубе, выпав из окружающей действительности если не навсегда, то уж точно надолго. Сотрясение мозга – если он у него имеется, этому уроду точно теперь обеспечено, как и полудюжине его соплеменников. Изображение вдруг снова мигнуло и помимо цифр с процентами на фигурах «синих» стали появляться и исчезать схематические изображения, похожие на мишень. Вот на трёх ближайших, обступавших меня со всех сторон и пытавшихся прижать к борту монстрах обозначились эти самые значки-мишени и над каждой мигнули цифры: 1,2,3.

Уродец слева от меня обозначился цифрой 1, тот, что старался обойти меня справа был под номером 2, а разинувший во всю ширь свою вонючую пасть средний занял почётное третье место в распределении целей. Цифры в последний раз мигнули и пропали. И тут же тело той, кого до недавнего момента звали Нора, без всякого участия с моей стороны рванулась навстречу врагам. Бац, бац, бац! Три удара слились в одно стремительное движение и нападавшие мгновенно вышли из строя, кто согнувшись от боли в три погибели и медленно опускаясь на палубу, кто опрокинувшись навзничь и заливаясь кровью – почему-то синего цвета, а кто-то и вовсе улетев за борт. Охренеть! Так даже ещё лучше! И в этот момент я увидела «их».

«Гарпия», лишившись управления, всё это время медленно дрейфовала в сторону ближайших скал, пока не уткнулась носом в шершавую, покрытую склизкими водорослями и мелкими ракушками каменную стену. Развернувшись от удара, жалобно проскрежетав левым бортом по камням и получив заметную вмятину, катер остановился, слегка покачиваясь на мелкой волне. На вершине скалы, возвышающейся над нами на высоту нескольких десятков футов, сидели два существа, внешне явно из того же племени, что и те, с кем сейчас билось на палубе моё тело, взятое под управление каким-то демоном, носящим громкое имя «Возмездие». Они сидели и пели, беззвучной мелодией наполняя пространство вокруг и заставляя повиноваться своей воле всех, кто слы-

шал их голоса. Как только твари на скалах попали мне в поле зрения, их фигуры сразу же окрасились ярко-красным, а на появившихся мишенях загорелся значок высшего приоритета опасности в виде мигающего черепа. И тут я уже без помощи боевой программы каким-то внутренним чутьём поняла, что это и есть кукловоды всего этого чудовищного спектакля, что творился на борту «Гарпии» прямо сейчас.

Тело тут же отреагировало, словно обрадовавшись появившейся возможности проявить свои суперспособности во всей красе. «Двенадцать процентов энергии. Переход в спящий режим через сорок четыре секунды. Рекомендуемые действия – деактивация боевого комплекса до восстановления доступной энергии в размеры приемлемых значений. Применить?»

–Нет! – завопила я, едва успев сунуть стилет в ножны и что есть силы отталкиваясь ногами от борта катера в отчаянном прыжке.

Упала грудью на камни, больно ударившись локтем и ободрав ладони, ухватилась за ближайший угловатый валун и стала карабкаться, стремясь достичь вершины как можно быстрее. Рывок, ещё рывок… Ага, вот и они. Осилив подъём, я резким броском преодолела последние футы и буквально выпрыгнула на маленькую площадку, венчавшую вершину скалы. Твари, увидев рядом с собой внезапно появившуюся неизвестно откуда нежданную гостью, разом повернули свои мерзкие хари в мою сторону и угрожающе зашипели.

И тут я почувствовала, как их «песня», звучавшая последние минуты на частоте ультразвука внезапно оборвалась. Не мешкая ни секунды я, или боевая программа «Возмездие», или демонесса из бездны, сидящая внутри меня – уже и не пойму, кто именно рванулась вперёд, схватила ближайшую ко мне «певицу» за горло и всадила ей окровавленный клинок стилета прямо в левый глаз, погружая в овальный череп и пробивая его навылет.

Глава 3

Нейтан. Патрульный катер «Гарпия», Атлантика.

Когда я увидел, как Нора падает со скалы в воду, у меня внутри буквально всё оборвалось. В отличие от остальных людей на корабле, я по какой-то загадочной причине избежал воздействия чарующего пения этих «сирен», которых жена на моих глазах жестоко прикончила на вершине скалы. Ну, как избежал – в голове зашумело, уши заложило, поплыло в глазах, тело сделалось ватным, но я оставался в сознании и мог действовать, хоть моя активность и упала в разы. Когда вся команда впала в какой-то транс, начав отключаться один за другим, а на катер из воды вдруг полезли отдалённо похожие на людей синекожие монстры, я попытался помешать им добраться до людей. До меня как-то сразу дошло, что добра от этих жителей морских глубин ждать не стоит и на «Гарпию» они лезут не за тем, что бы дружески нас обнять и пригласить к себе в гости. Нора была в кубрике, когда начался весь этот бардак с проникновением тварей на судно. Видя, как мои товарищи дружно впадают в ступор и теряют сознание, я в тот момент думал, что и Нора лежит в своём гамаке, как и все остальные находясь в гипнотическом трансе. Тем большим сюрпризом для меня стал тот момент, когда моя жена разъярённой фурией вылетела на палубу, расшвыряв водных жителей словно кегли, и начала их жестоко ду-

басить, двигаясь при этом с такой скоростью, грацией и проворством, что от удивления у меня буквально глаза на лоб полезли. Такого я от неё точно не ожидал. «Синие» под ударами, которые Нора щедро раздавала направо и налево, в основном орудуя ногами и зажатым в кулаке стилетом, падали, словно срезанные колосья под серпом фермера, и в какой-то момент у меня мелькнула шальная мысль, что она справится с нападавшими. Но тварей было слишком много. Они всё лезли и лезли, всё вокруг было залито водой и синей кровью, но на место павших тут же вставали новые. Всё это я наблюдал лёжа на палубе возле рубки, о стену которой неплохо так приложился, когда один из синемордых засандалил мне со всего маху по голове своей лапищей. Этого не случилось бы, окажись в стволе моего пистолета патрон. Перед началом тренировки я разрядил его и пока занимался, катер заплыл в эти самые скалы, будь они трижды прокляты. А потом внезапно начало давить на мозги, и заряжено ли оружие или нет, я уже и не вспомнил – резко стало как-то не до того. Тело вдруг стало ватным, в глазах потемнело, сознание стало куда-то уплывать… И когда передо мной возник тот самый демон из пучины, я машинально дёрнул из кобуры вдруг ставший очень тяжёлым пистолет, направил его синему в пузо и нажал на спуск. Щёлк! А патронник-то пустой! В следующую секунду по башке мне прилетает, я едва успеваю прикрыться руками, врезаюсь в стену и оказываюсь лежащим на палубе. И уже оттуда наблюдаю за эпической битвой Норы и

жителей морских глубин. Но в какой-то момент жена вдруг сорвалась с места и совершив просто невозможный по своей протяжённости прыжок, начала быстро карабкаться на скалу. Куда… Но тут катер качнуло, он развернулся и мне стало видно, куда так упорно стремится моя супруга. На вершине огромного, покрытого водорослями и плесенью каменного валуна со срезанной верхушкой сидели два существа. Почему-то я сразу подумал, что эти двое – женщины. Ну или самки – это кому как больше нравится. И вот они-то, эти две похожие друг на друга, как две капли воды «дамы» и были теми, кто издавал этот похожий на пение звук, вводящий людей в транс и лишавший их воли к сопротивлению.

Забравшись на скалу, Нора как дикая кошка бросилась на одну из них и всадила ей в голову на всю длину лезвия свой любимый стилет, с которым она никогда не расстаётся и везде таскает с собой. Я видел, как дёрнулась голова твари от удара ножом, а острие выскочило у неё из затылка. И я забыл упомянуть о том, что когда жена оказалась на вершине скалы, навязчиво звучавшая всё это время «песня» внезапно оборвалась и люди сразу начали приходить в себя. Первым очнулся Защитник Николсон, которого в этот момент за ноги тащили к борту двое водоплавающих. Увидев такую картину, Николсон стал брыкаться, как бешеный мустанг, мгновенно вывернулся из лап монстров, выхватил из кобуры пистолет и в упор расстрелял обоих. Пули сорок пятого калибра с расстояния в пару шагов творят настоящие чудеса, и де-

моны из глубин получив по четыре штуки «свинцовых пилюль» на нос, истекая синей кровью свалились на палубу. Отравление свинцом – одна из самых распространённых болезней нашего времени. Как правило, с летальным исходом, да. Тут и остальные члены команды «Гарпии» включились в работу по очистке судна от непрошенных гостей. Вокруг загремели выстрелы, засвистели пули, рикошетами отскакивая от бортов, и «синие» стали покидать палубу, прыгая за борт один за другим, стремясь как можно быстрей укрыться от смертоносного огня под толщей воды.

Когда Нора бросилась в атаку на самок… не знаю, как правильно их называть, этих обитателей океанских глубин, часть самцов кинулось за ней следом, стремясь не дать ей расправиться с их «женщинами». Самым первым за Норой на штурм скалы ринулся тот самый гад, который долбанул мне по башке – самый здоровый из всех проникших на катер «синемордых». Наверное, местный альфа-самец, не иначе. Ещё с пяток тварей последовало его примеру. Но тут их ждало жестокое разочарование: Нора, пока они там корячились внизу у выступающего из воды подножья скалы, ловко вскарабкалась наверх и быстро расправилась с обеими самками. Рифлёные подошвы ботинок как-никак больше подходят для лазания по скалам, чем склизкие короткие «ласты», которые были у «синих» вместо обычных ступней.

Зарезав первую «певицу» насколько шокирующим, настолько и зрелищным способом, Нора принялась за её то-

варку. Та попыталась дать слабый отпор, но превратившаяся в страшную боевую машину жена не оставила ей ни малейшего шанса. Плавным стремительным движением она перетекла «сирене» за спину, и пока та пыталась развернуться на маленьком пятачке и яростно отмахивалась руками или лапами – хрен его знает, левой рукой обхватила «сирену» за голову, а правой всадила ей клинок сбоку в шею. Резко запрокидывая голову противницы назад, Нора двинула руку со стилетом вперёд, распарывая глотку твари от уха до уха… в смысле – от одной ушной мембраны до другой. Кровь тёмно-синего цвета хлынула из раны сплошным потоком, заливая поверхность скалы, стекая по каменной поверхности и попадая на тех, кто карабкался снизу. Отпустив жертву, Нора двинула ей коленом в спину, и та, несколько раз перевернувшись и ударившись в падении о камни, рухнула в воду.

Как только «синие» увидели, какая печальная участь постигла их женщин, дружный вопль отчаяния и неподдельного горя огласил всю округу. Ну, вопль-не вопль – скорее яростное шипение, переходящее в свист дружно вырвался из десятка зубастых пастей. В этот самый момент Нора, стоя на вершине скалы с окровавленным стилетом в руке вдруг пошатнулась. Она попыталась сохранить равновесие, но ноги её подкосились и она, выронив звякнувший о камни клинок, плашмя упала со скалы в воду. Я что есть силы напрягся, пытаясь подняться на ноги с твёрдым намерением прыгнуть за борт вслед за скрывшимся в тёмной пучине телом моей

жены, но меня опередили. Посланник Трамп, прямо перед этим выстрелом в упор из двуствольного дробовика подчистую снеся половину черепа одному из «синемордых», бросил разряженный обрез на палубу, в два прыжка достиг борта и рыбкой нырнул вслед за Норой.

–Человек за бортом! – зычный бас капитана раздался откуда-то сверху.

Я посмотрел в ту сторону. Мистер Трелони стоял на крыше ходовой рубки, держа по револьверу в каждой руке. А я-то думаю, кто же там сверху так часто стреляет. Значит это его, Трелони пули настигли нескольких синекожих, карабкавшихся по скале вслед за Норой. В число павших от руки капитана, а вернее от его револьверов вошёл, как ни прискорбно, и альфа-самец этих тварей. Для стаи подводных жителей это, наверное, серьёзная и даже можно сказать, невосполнимая потеря, да. Доковыляв до борта на трясущихся и подгибающихся ногах, я наклонился над водой, с тревогой вглядываясь в тёмную, покрытую мелкой рябью поверхность. Секунды шли, позади меня по палубе топали башмаки, тут и там хлопали выстрелы, перекликались люди, шипели монстры, а я всё смотрел и смотрел. И уже когда я был готов нырнуть – и будь что будет, вода возле борта вдруг вспенилась и оттуда показались сразу две головы.

–Держите! – отфыркиваясь и отплёвываясь прохрипел Трамп, одной рукой поддерживая находящуюся без сознания Нору, другой хватаясь за скользкий металлический борт

катера.

Я тут же ухватил жену обеими руками и потащил наверх, помогая Трампу. Втащив Нору на борт судна, я склонился над её бесчувственным телом, в панике не зная, что делать. Захлебнувшихся в воде людей я ещё ни разу в чувство не приводил.

–Запрокинь ей голову! Подложи что-нибудь под шею и делай искусственное дыхание! – услышал я за спиной голос капитана Трелони. – Да помогите же ему кто-нибудь, мать вашу!

И он добавил ещё несколько крепких выражений, стимулируя команду не стоять и тупо смотреть, а начать что-то делать. Но помощь со стороны не потребовалась – Нора вдруг вздрогнула всем телом, сильно закашлялась, забрызгав мне всё лицо и открыла глаза, ошалело моргая и пытаясь сфокусироваться. Она судорожно вздохнула несколько раз, перевернулась на бок и её вырвало. После, перебирая руками по палубе, Нора села и тяжело перевела дух. Я схватил её в охапку и крепко-крепко прижал к груди. Моя одежда тут же намокла, но мне в тот момент было на это совершенно плевать.

–Нора, милая, не пугай меня так больше, – прошептал я, зажмурив глаза и гладя жену по мокрой голове.

В груди защемило, я зажмурился ещё сильней и слёзы ручьём потекли у меня по щекам. Окружавшие нас люди стояли и молча смотрели. Наконец капитан нарушил молчание

и произнёс:

–Ну, что встали? Трупы с палубы сами в море не уползут. Катран, Скамейка – быстро за работу! А где Сверчок? Где этот недоделанный? Майки, сволочь, хватит бухать – быстро проверил моторы и доложил, что всё в полном порядке! И вы, джентльмены, не стойте, – обратился он к очухавшимся Изгоям. – Добро пожаловать за пулемёты – не факт, что наши синие друзья не вернуться с подмогой. Мадам Нора, как мне кажется, прикончила их лучших самок. Вдруг у них там, откуда они вылезли, существенный дефицит женского пола? Так что давайте, вы наша оборона. Да где же этот засранец, мать его за ногу?! Майки, ты Сверчка не видел? Нет? Странно…

И народ задвигался, засуетился. Два матроса взялись стаскивать тела убитых морских жителей к борту и швырять их в воду, очищая палубу от трупов, которых на поверку оказалось не так уж и мало. Среди нападавших, которые были сражены как Норой, так и очнувшимися людьми оказалось несколько раненых. Они корчились от боли и тихо шипели, что в переводе на язык людей скорее всего означало предсмертные стоны. Не страдающие избытком человеколюбия, а уж тем более не испытывающие ни малейшей жалости к тем, кого они считали монстрами, исчадиями постъядерного мира, не достойными жизни, члены команды в лице матроса Катрана и посланника Харрисона не заморачиваясь особо просто взяли и добили раненых. При этом они не обратили

ни малейшего внимания на яростные протесты Специалиста Олина. Тому, как человеку науки, очень уж хотелось заполучить в свои шаловливые ручки живого пришельца. Учёный Изгой просто горел желанием как следует поизучать на досуге, как тот устроен внутри и понять, чем же жители морских глубин отличаются от нас, людей. Но грубым товарищам из клана Джесси Джеймса было глубоко наплевать на все потуги Специалиста произвести научные изыскания, как в частности, так и на все его остальные желания в целом. Они не мешкая быстро и эффективно дорезали раненных монстров и пошвыряли уже бездыханные тела в океан. Олин отчаянно протестовал, крича и требуя, что бы ему оставили хотя бы одно, пусть даже мёртвое тело для исследований. Но все его потуги были напрасны. Тут уже сам капитан Трелони, который к тому моменту вышел из рубки с трубкой в руке, намереваясь как следует затянуться крепким табаком после всех пережитых потрясений, воспротивился желаниям Специалиста. Он в категорической форме отверг все требования Олина, мотивируя свой отказ тем, что на «Гарпии» и так места в обрез, и потрошить, как он выразился, труп «синерожего» будет попросту негде. Да и людям на судне, какими бы они ни были жестокосердными и хладнокровными, претят подобные зрелища. А у него самого и вовсе вызывают стойкое отвращение.

–Ага! – истерично вскричал Олин, отчаявшись заполучить желаемое. – Чистюли выискались! Да любой на этом,

гм… судне ближнего своего замочит и глазом не моргнёт! Даже и не заметит! Неприя-я-ятно им, видите ли! Да эта вот форма жизни, – он махнул рукой в сторону нескольких синих тел, сваленных грудой возле одного из бортов, – представляет такой научный интерес, что вы даже представить себе не можете!

–Я абсолютно согласен с капитаном, – холодно произнёс Эл-Джей Харрисон, выдёргивая свой широченный и длиннющий нож из груди одного из подранков. – Лично мне до тошноты противно было бы смотреть на вскрытие. Я вообще против всякого насилия.

С этими словами он сплюнул, приподнял мёртвое тело, перегнул его через борт и пинком отправил в воду. Матрос Катран согласно кивнул и посмотрел сначала на посланника, затем на капитана. Трелони, глядя на Специалиста, только руками развёл, состроив при этом сожалеющую мину. Мол, а я что могу поделать – общество против. Взгляд же его при этом искрился весельем. Олин только глаза под лоб закатил, удручённо вздохнул и махнув рукой поплёлся в кубрик, бормоча себе под нос проклятия. Харрисон проводил его взглядом, усмехнулся, подмигнул улыбающемуся в свои пышные усы Трелони и шагнул к следующему вяло шевелящемуся телу. Катран уже за ноги тащил к воде очередной труп.

–Мне холодно… – едва слышно произнесла Нора.

Её всю трясло от озноба, и я поспешил увести жену в кубрик, что бы она переоделась в сухую одежду и согрелась.

Хоть погода стоит хорошая и на воздухе, в общем-то, совсем не прохладно, а днём так и вовсе жарковато, холодные воды Атлантического океана к купанию с нырянием не располагают от слова «совсем». Когда я и Нора уходили с палубы, матросы вместе с помогающим им советником Харрисоном как раз заканчивали «приборку». Все мёртвые тела были отправлены в последний путь, а если сказать проще – выброшены за борт. Катран и второй матрос по прозвищу Скамейка быстро отдраили палубу, черпая воду вёдрами прямо за бортом, и удалили все следы синей крови. Изгои не отходили от пулемётов, внимательно следя за округой. Майк вылез из моторного отсека, рыгнул, икнул и крикнул своим пропитым баском:

–Заводи!

Загудели двигатели, «Гарпия» медленно и плавно отчалила от скалы, к которой стояла вплотную, развернулась в нужном направлении и двинулась к видневшемуся впереди выходу из скальной гряды. Все, кто был на палубе, напряглись и стояли, крутя головами и не выпуская из рук оружия, в каждую секунду готовые отразить нападение. Но пронесло – никто на катер не напал, не атаковал ни со скал, ни из-под воды и «Гарпия» без всяких препятствий покинула опасный район.

Когда скалы остались далеко за кормой, команда смогла наконец-то расслабиться. Все облегчённо вздохнули и начали подсчитывать убытки, причинённые в результате на-

падения. После тщательной ревизии находящиеся на судне подтвердили, что сами морские путешественники и все их вещи целы, ничего не пропало. То немногое оборудование, что есть на катере, так же не пострадало. Очевидно, что напавшим на нашу экспедицию морским тварям нужны были именно люди. Боюсь даже представить, для каких целей эти «синемордые» собирались использовать бездыханные тела моряков у себя там, под водой. Из всего, что приходило на ум, «сожрать» – это самое безобидное, что могло потом приключиться с теми, кого монстрам удалось бы утащить с собой. Похоже, что благодаря моей жене мы все избежали воистину ужасной участи. Эх, если бы не Нора…

Была и плохая новость – пропал матрос Сверчок. Этот вихрастый, конопатый парнишка лет восемнадцати постоянно находился в ходовой рубке рядом с капитаном. На его худых плечах лежало управление катером во время плавания, так как Сверчок был в команде рулевым. Вообще управлять ходом судна мог любой из матросов, как и сам капитан Трелони, но у Сверчка это дело получалось лучше, чем у остальных. Парень был прирождённым рулевым и чувствовал катер как никто другой. И вот теперь он пропал. Сверчка искали, звали, но его нигде не было. Да и куда можно спрятаться на невеликих размеров сторожевом катере так, что бы тебя не смогли найти? В общем, молодой рулевой исчез. Трелони места себе не находил от злости, виня себя в исчезновении парня. Он, когда Нора прикончила «сирен» и гипнотическое

воздействие на разум людей прекратилось, как и все схватив оружие выскочил из рубки на палубу, что бы поучаствовать в битве. Рулевой же оставался в рубке, так как в отличие от здоровяка Трелони, который очухался почти сразу же, как только стихла «песня», с большим трудом приходил в себя. Что было дальше, вы уже знаете. Но когда стрельба стихла и монстры бежали с катера, капитан заглянул в рубку и не увидел там Сверчка. Похитили его «синемордые» или он сам каким-то образом оказался за бортом – так и осталось тайной для всех.

Войдя в кубрик, я быстренько вытурил оттуда посланника Смита и Специалиста Олина, что бы Нора смогла переодеться без посторонних глаз. Торопливо скинув всю мокрую одежду и продолжая дрожать, жена с головой завернулась в одно из тёплых, но жутко колючих одеял, которые были у нас с собой помимо спальных мешков. Она залезла в гамак, поджала под себя ноги и зябко поёжилась, кутаясь в тёплую шерсть одеяла. Как бы моя девочка не простудилась… О, есть идея! Я шагнул к выходу, сказав Норе:

–Милая, посиди минутку – я сейчас вернусь.

На палубе я поймал Майка, с деловым видом стоявшего у люка, ведущего в машинное отделение.

–Майки, дружище, – обратился я к благоухающему свежевыпитым виски мотористу. – Будь другом, одолжи одну «маленькую», я верну с процентами. Это не мне – жена в воде замёрзла сильно, нужно чем-нибудь согреться, а вода пока

вскипятится…

–Для миссис Норы у меня всегда найдётся, – перебил меня Майк. – Передайте, что мы все ей обязаны жизнью. Если бы не она, лежать бы нам на дне всем до единого, да сэр.

С этими словами он выудил из нагрудного кармана бутылочку виски и передал мне. Я поблагодарил моториста и поспешил обратно в кубрик. Там я подошёл к Норе и настоял, что бы она выпила чуть-чуть, что бы разогнать кровь. Она сначала отнекивалась, говорила, что уже почти согрелась, но потом уступила. Взяв у меня из рук бутылёк с прозрачно-янтарной жидкостью, она отвинтила пробку и осторожно понюхала. Слегка скривилась, но после поднесла горлышко ко рту и отпила немного. Закашлялась, когда крепкий напиток обжёг горло. Поднесла руку к губам, другой рукой протягивая мне бутылку. Я завинтил пробку и убрал виски в один из карманов моего рюкзака – пригодится на чёрный день. Посмотрел на Нору. Во-от, уже лучше! Спиртное, выпитое в очень малом количестве – как оно в общем-то и должно приниматься в лекарственных целях, подействовало, и щёки Норы порозовели, наливаясь румянцем. Она перестала дрожать, поудобнее устроилась в гамаке и улыбнулась. У меня сразу потеплело на душе и я сам хоть немного успокоился. А то до этого аж трясло всего, особенно в тот момент, когда сначала ждал у борта, вглядываясь в бездну, а потом держал в руках её бездыханное тело. Впору и самому выпить, что бы снять напряжение. Но нет, не буду. Во всяком случае не

сейчас.

–Милая, согрелась хоть немного? – обратился я к супруге и увидел утвердительный кивок. – Тогда давай ты оденешься, а то народ снаружи держим, не хорошо.

Нора выбралась из гамака, выпуталась из одеяла, и стоя босиком на покрытом резиной полу стала одеваться. На катере у каждого имеются комплекты сменной одежды и Нора не была среди нас исключением. Достав из своего рюкзака запасные штаны, свитер, трусики и бюстгальтер, она быстренько одела всё это, оставшись разутой, в одних только носочках. Её ботинки на застёжках промокли и сейчас сохли, стоя на сквозняке возле входа. Всю мокрую одежду я разложил на крыше рубки – там ветер и солнце, то и дело выглядывающее из-за туч быстро выгонят из неё влагу. Единственное, я немного волновался за кожаные брючки Норы, не сядут ли они после того, как их сначала сильно намочили, а потом быстро высушили. Но после подумал, что если и сядут, то не слишком сильно. Всё-таки кожа хорошей выделки, как и та, из которой сшита её тужурка без рукавов со множеством карманов и кармашков, которая была на Норе в тот момент, когда она упала в воду со скалы. Бр-р-р! Как вспомню… Ну и не прямо в обтяжку эти штаны на Норе сидят, даже если немного и уменьшатся в размере, то всё равно на попу натянутся, хе-хе. Даже выглядеть соблазнительней будет – я ещё в порту заметил, какие взгляды бросали на мою жену морячки, когда мы только-только взошли на катер.

Да, кстати – насчёт кожи. Как мне лично кажется, сейчас, в настоящее время кожевенное производство переживает настоящий подъём. Я, конечно, не сравниваю с уровнем довоенного производства – это было бы глупо. Но если судить по меркам, хе-хе, позднего средневековья, то всё выглядит очень даже обнадёживающим. Всё дело в том, что лёгкая промышленность, включавшая в себя добычу и переработку хлопка и льна, изготовление синтетических и натуральных тканей, прядильное, вязальное, ткацкое и прочее подобное производство приказало долго жить аккурат тогда, когда на мир посыпались ядерные боеголовки. Нет, понятное дело, что пережившим апокалипсис и положившим начало новому миру людям ещё очень-очень долго хватало тех запасов одежды и тканей, которые были произведены до войны и кое где сохранились, доставшись им в наследство от прежнего мира. Даже сейчас народ местами донашивает довоенные тряпки – среди современной молодёжи считается особым шиком одеться во что-нибудь из того, что сохранилось с древних времён. И не важно, в каком состоянии одежда, главное, что бы она была произведена до Великой Войны. Вот такие теперь модники, да. Но новых тканей никто не производит и вроде пока не собирается, лично я про такое не слышал. Так что если где-то одежду и шьют, то из старых запасов, пролежавших уйму времени и более-менее сохранившихся. Или же вяжут из шерсти, нитки из которой заново научились крутить таким же способом, как это делалось и

триста, и пятьсот лет назад. У женщин вязаные платья, юбки и кофты, так же как свитера и разного фасона безрукавки-душегрейки у мужчин повсеместно в ходу. У меня самого свитер из той же оперы, куплен у одной из умелиц-вязальщиц, проживающей в Даймонд Сити.

Народ же, предпочитающий практичность и надёжность в одежде, сплошь и рядом ходит в изделиях, изготовленных из кожи. Штаны, куртки, рубашки, жилетки и женские платья, а так же разнообразная обувь и элементы снаряжения вроде сумок, рюкзаков, ремней и прочего – всё это в наши дни делается из кожи разного качества выделки. На обувь и верхнюю одежду, особенно куртки, которые так любят разные путешественники, охранники караванов и прочие, много времени проводящие в дороге люди, идёт более толстая и грубая кожа. Такая одежда при определённых навыках и умении довольно быстро превращается в лёгкие и прочные доспехи. Недостаточно прочные, конечно, для того, что бы сдержать пулю, к примеру, но от разного рода агрессивных воздействий и мелких травм, которые может получить человек в пустошах, вполне своего владельца предохраняющие.

Для людей обоих полов, населяющих крупные анклавы, в лавках торговцев продаётся так же одежда из мягкой и тонкой кожи хорошей выделки. Профессии шорника и портного по коже в наши дни одни из самых прибыльных и почитаемых. В крупных поселениях существуют целые кожевенные мастерские, которые плотно сотрудничают с фермерами, вы-

ращивающими рогатый скот. Торговцы-перекупщики всячески стараются помешать тому, что бы фермеры и кожевники общались напрямую. Ведь в этом случае большие объёмы товара минуют их жадные ручонки, и прибыль ускользает, как вода сквозь пальцы. Поэтому они постоянно строят разные козни, упорно пытаясь разрушить цепочку товарно-денежных отношений мастеровых и сельских тружеников. Тем же в свою очередь не выгодно впускать кого-то ещё, кто может нарушить годами устоявшуюся гармонию и порядок их взаимодействия. Фермерам выгодно торговать с шорниками без посредников: те не пытаются выторговать гроши, как делают перекупщики, не спорят из-за каждого куска шкуры, стараясь выискать малейшие изъяны, а с гарантией скупают у них всё, что скотоводы могут им предложить по части сырья для производства. И цену они дают вполне себе адекватную, опираясь на то, что их договорённости никогда не нарушались ни одной из сторон. Фермеры же в качестве бонуса всегда дают немного мяса и других продуктов караванщикам, пришедшим из кожевенных мастерских. Всем хорошо, все довольны.

Вот такой лакомый кусок и не даёт покоя торговцам. Прибыль, огромная прибыль, проплывающая мимо рук, не позволяет им спокойно спать. Поэтому нападения на караваны, везущие невыделанные шкуры в кожевенные мастерские, в наши дни далеко не редкость. Торгаши частенько нанимают всякий сброд для этой грязной работёнки. Порой даже

не гнушаются пользоваться услугами рейдеров. Но с этими всё же стараются не связываться по причине их полной отмороженности и непредсказуемости. Шорники защищаются как могут, вооружая охрану своих караванов буквально до зубов. В этом им способствуют оружейные бароны, в магазины которых поступает кожаная амуниция, произведённая сам понимаете кем. И длится это противостояние уже очень долго, причём без заметного перевеса в ту или иную сторону. Другое дело – это многочисленные охотники, которые так же вносят свою лепту в поставку шкур для кожевенного производства. Эти как раз, особо не загоняясь, по дешёвке сбывают свою добычу скупщикам, а те в свою очередь поставляют материалы мелким мастерским, у которых нет достаточно большого оборота, что бы оптом скупать шкуры у скотоводческих ферм. В общем, как-то так. Таков расклад, да.

Когда Нора оделась и забралась обратно в свой гамак, укутав ноги одеялом, я вышел на палубу и сказал остальным, что можно заходить. Народ потянулся в рубку. Я же, вытащив на свет божий свою горелку, взялся кипятить воду, что бы напоить жену чем-нибудь согревающим, но не спиртным. Да и поесть уже не мешает, время перевалило далеко за полдень. Я пристроился возле борта в тенёчке, отбрасываемом стеной рубки, и начал колдовать со спиртовкой. Вскоре из маленьких отверстий на вершине горелки заплясали язычки синего пламени, я поставил на специальную подставку над огнём котелок с водой и стал ждать. Пока закипала вода, я отстра-

нённо смотрел на волны, на далёкие облака, плывущие над горизонтом, слушал, как гудят под палубой двигатели и ни о чём не думал. Просто наслаждался минутами покоя и прекрасным морским пейзажем.

Нора. Патрульный катер «Гарпия», Атлантика.

«Возмездие» убило тех двух поющих существ на скале… Да-да, я не оговорилась – именно боевая система «Возмездие», на время взявшая под полный контроль управление моим телом и большую часть сознания, а не я, Нора Стюарт, в девичестве Милтон, жена, мать и домохозяйка дралась и убивала морских жителей, напавших на нас с намерениями явно злодейского толка. Я нисколько не ассоциирую себя, свою личность с тем одержимым хладнокровными убийствами демоном, что живёт у меня внутри. Мне страшно даже подумать или представить, в кого я превращусь, если моё собственное «я» когда-нибудь сольётся воедино с этим порождением безумного гения био-инженерии. Кем я стану тогда, если перестану ощущать разницу между побуждениями и решениями, диктуемыми программой-убийцей и моими собственными чувствами и эмоциями? Что породит этот страшный симбиоз? На это у меня нет ответа, но вряд ли что-то хорошее выйдет из подобного «объединения». Во всяком случае для той меня, которую я знаю с самого детства и какой хотела бы оставаться и впредь. Ладно, поживём – увидим. Всё-таки очень серьёзно поработали они, эти сволочи там, в своей лаборатории, будь она проклята, над моими мозга-

ми. То, что вытворяю я, или не я, а эта проклятая «начинка» в моём теле – я уже и не знаю, не только совершенно меня не шокирует, а даже… нравится? В этом я боюсь признаться, но чувствую себя немного извращенкой, садисткой, втайне наслаждающейся насилием. Я сама от себя просто балдею, когда вспоминаю, как двигалась, какую силу и ловкость во всём теле ощущала в тот момент. Я чувствовала себя почти всемогущей. Это ощущение наполняло такой эйфорией, что сравнить с чем-то, найти что-то похожее по силе эмоций попросту невозможно! Ну-у-у, разве что секс с Нейтаном… М-да. Нет, мне надо научиться себя контролировать и как-то управлять этой программой, раз уж мы с ней теперь «не-разлей-вода», и на всю оставшуюся жизнь вместе, как я понимаю. О-о-ох, и как же всё болит-то… Ноги ноют в районе паха – не прошли даром высокие взмахи. Я же не балерина какая, и не гимнастка – говорила ведь уже. Ой-ёй-ёй, даже шевелить ногами больно! Да и всё остальное по ощущениям не слишком далеко ушло от нижних конечностей. Всё-таки и попадали по мне, и со скалы навернулась, что здоровья совсем не прибавило. Как вспомню – аж жуть берёт и плакать хочется. Я ведь всё то время, что со скалы в воду падала, а потом погружалась на глубину, в сознании находилась. Да-да, именно так – я видела, слышала и ощущала всё, что со мной происходило. Представляете? А всё эта гадская программа, «Возмездие» это, будь оно неладно! Говорит, значит: «Осталось менее трёх процентов энергии, произвожу

экстренное отключение всех двигательных функций». И отключилась, сука. И себя, и тело моё отключила, гадюка такая. И до сих пор молчит. Я только-только вторую «певицу» синемордую столкнула со скалы в море, как чувствую – всё, тушите свет, ноги не слушаются и руки словно ватные, ножик еле-еле держу. Ну и не устояла я на площадке этой, навернулась в море. Хорошо хоть, что упала сравнительно удачно – сразу в воду, а не по камням головой. Ох-ох, как же болит-то…

Я сидела в гамаке закутавшись в одеяло и слушала, что говорят мужчины, собравшиеся в кубрике. В не такое уж большое помещение набились все, кто был на катере, за исключением капитана Трелони и матроса Катрана, заменившего пропавшего без вести Сверчка. Да, жаль парнишку, неплохой был человек, молоденький совсем. Трелони вон, мрачнее тучи ходит. Вернее не ходит уже – в рубке управления сидит и Катран с ним. Управляет катером и молчит, словно воды в рот набрал. Переживает за товарища. Защитник Николсон к ним ходил за чем-то, вот и рассказал. Да, дружный народ у них там, в Бостон Харбор, друг за друга горой стоят. Сумел Джесси Джеймс людей сплотить так, что они одной семьёй стали. Вот тебе и бывший рейдер…

От спиртного в голове слегка кружилось, хоть я и сделала ма-а-аленький глоточек виски из той бутылочки, что принёс Нейтан. Где он её взял, интересно? С собой мы спиртного не брали… Я пить не люблю и переношу плохо, если

приму лишнего, Нейт то же не пьёт практически. Хотя, когда мы гостили у семейства Коллинз в Даймонд Сити, они с Филом – это глава семейства, неплохо так тяпнули на двоих в тот самый день, когда мы к ним заявились на ночь глядя. И на следующий день мой муженёк снова приложился к бутылке, чему я совершенно не обрадовалась, но не стала устраивать разборки, будучи гостьей в чужом доме. В своём собственном я бы такой вой подняла… Но в тот, второй раз причина пьянства моего ненаглядного была уважительной – он мне рассказал о той беседе в баре мадам Аду с каким-то проходимцем из Столичной Пустоши. Информация, полученная в ходе их посиделки, стоила выпитых рюмок и я не стала ругать мужа. Не подумайте, я не ханжа какая-нибудь и к спиртному отношусь больше нейтрально, чем отрицательно, принимая тот факт, что иногда в отдельных особых случаях крепкие напитки бывают просто необходимы. Как вот сейчас, например. Я виски терпеть не могу, но пересилила себя и глоточек сделала, прекрасно понимая, что Нейтан прав, настаивая на приёме горячительного. А-а, поняла – он, похоже, у моториста виски выпросил, я слышала, как они на палубе разговаривали. Как его – Майк, кажется? Да, вроде так. Вот кто-кто, а он горазд спиртное хлебать! С того момента, как мы поднялись на борт, я моториста ни разу трезвым не видела. И что интересно – он ведь и вдрызг не напивается, и до конца не трезвеет никогда. Всё время в одной поре… Как это выразить-то? Во, придумала – в состо-

янии «среднего подпития», так вот. Да, уж… В таких количествах пить – никакого здоровья не хватит.

Я укутала ноги получше и поудобнее устроилась в своём гамаке, который с некоторых пор мне кажется очень удобным. Сначала, когда мы только отплыли и я узнала, что все будут в гамаках спать, то очень расстроилась, хотя понимала, что на таком маленьком судне, как «Гарпия», никаких кроватей не будет, они попросту не поместятся в нужном количестве. Но потом, когда в первую ночёвку все улеглись в подвешенные к потолку гамаки, я повозилась-повозилась, да и ка-а-ак уснула! И спала так крепко, что проснувшись утром, нисколечки не чувствовала себя разбитой. А потом и вовсе оценила всё удобство гамака, устроившись в нём с книгой. Правда, почитать удалось совсем недолго… Но это уже не важно. И всё же мне интересно, а смогу ли я научиться управлять этой хреновиной? Ну, «Возмездием» этим. Пока что вся сверхтехнологичная «начинка» внутри меня ведёт себя абсолютно непредсказуемо. Активируется, когда ей того захочется, и так же сама по себе вырубается, причём аналогичным образом воздействуя на моё тело. Мне это дело совсем не нравится и мириться с таким положением вещей я не собираюсь. Что делать и как, я пока не знаю, но надеюсь всё-таки разобраться сама в себе. А ведь у меня ещё и система активного прицеливания установлена… И то же не понимаю толком, как ею пользоваться. Один раз как-то удалось её активировать, а больше всё – как ни пыталась, как не

сосредотачивалась и так, и этак – ничего, никакого эффекта! Вот зараза – когда не ждёшь, эта электронная хрень в башке – или где она у меня там находится, включается сама по себе, а когда мне самой это надо – никакой реакции. Пока что понятно только одно: что система прицеливания, что «Возмездие» запускались тогда, когда я была в смертельной опасности и находилась в состоянии сильнейшего стресса. Но если из этого исходить, то что же мне теперь – до истерики себя доводить всякий раз, как вдруг понадобится помощь одной из этих программ?! Или ждать, когда меня вот-вот убьют, и капризная система прицеливания соизволит-таки активироваться и покарать злодеев, на мою жизнь покусившихся? Что-то мне так не хочется, не согласная я. Ладно, поживём – увидим.

Тут как раз вернулся Нейтан с исходящим паром котелком в руках. Что бы не обжечься, он обернул его тярпицей в несколько слоёв и аккуратно нёс, стараясь не расплескать. Подошёл, опустился на пол, сев на корточки, и принялся разливать кипяток по кружкам. На весь кубрик сразу запахло распаренными сухофруктами. А вкусный компот из сушёных… как их? Ах да, я вспомнила – они это растение называют «мутафрукт». Что за «мутафрукт», где он растёт и как выглядит, я не знаю, но слышала, что в современном мире плоды этого растения являются основным источником витаминов. Порезанный на дольки и высушенный до состояния маленьких сморщенных кусочков, мутафрукт удивил прият-

ным кисло-сладким вкусом. Нейтан угостил меня перед тем, как бросить горсть в кипяток, когда варил компот прошлым утром. Вот и сейчас приятный аромат заставил повернуться в нашу сторону головы остальных обитателей кубрика. Муж разлил компот по кружкам, в котелке ещё оставалось немного напитка и я предложила его Специалисту Олину. Он и так сидит мрачный, как туча, уткнувшись в клавиатуру и экран своего «Пип-Боя». Я слышала, как он яростно доказывал, что надо оставить для изучения хотя бы одного «морского дьявола», но ему не позволил капитан с остальными. Я не берусь судить, насколько важно и необходимо для науки было бы проводить вскрытие морского существа прямо на палубе «Гарпии». А больше негде – не в общем же кубрике труп потрошить. Тут я скорее на стороне тех, кто воспротивился проведению подобных процедур на катере. Но Олин, когда ему категорически отказали, выглядел настолько несчастным и расстроенным, что мне стало его искренне жаль. Когда я окликнула Специалиста и протянула ему котелок с остатками компота, он, оторвав взгляд от экрана сначала не понял, чего я от него хочу. Но потом до него дошло, и Олин, поблагодарив и взяв у меня из рук котелок, поднёс его ко рту и сделал осторожный глоток, боясь обжечься. Проглотил, лицо его посветлело, и он ещё раз приложился к котелку, отпив на этот раз намного больше. Допив за три захода компот и вернув пустую посуду, Специалист улыбнулся, наверное в первый раз за сегодняшний день, хмурая складка

между бровей у него разгладилась. Он поблагодарил ещё раз и с уже довольным спокойным лицом вернулся к прерванному занятию. Нейтан глядя на мои манипуляции только головой покачал и улыбнулся.

А в кубрике тем временем шло обсуждение сегодняшнего нападения на нас обитателей морских глубин. Все делились впечатлениями, рассказывали друг другу, какие кто испытал ощущения во время «пения» тех двух существ женского пола, которых я… ну, того. Сходились во мнении, периодически бросая взгляды в мою сторону, что если бы не мои феноменальные способности по части мордобоя, которые, честно признаюсь, стали открытием и для меня самой, то вряд ли «Гарпия» ушла бы дальше того злополучного скального лабиринта. Наговорившись вволю, мужская часть команды обратила своё внимание на меня. Суровые воплощения мужественности, коими являлись почти все присутствующие в кубрике люди, они стали наперебой благодарить меня, слабую женщину, обыкновенную домохозяйку за то, что я «спасла их задницы от неминуемой гибели». Так, стесняясь и краснея выразился один из посланников Джесси Джеймса. Смит, кажется. Я в свою очередь поблагодарила Трампа за то, что он не дал мне утонуть и вытащил из воды. Тот засмущался, пробормотал что-то вроде: «не стоит благодарностей, мэм» и поспешил спрятаться за спинами товарищей. Интересно было наблюдать, как здоровенный детина с волосами цвета спелой пшеницы, с жёстким пристальным при-

щуром холодных голубых глаз радуется, как ребёнок, что его похвалили, стараясь при этом сохранить невозмутимый вид перед остальными парнями. Выросшие в мире, прошедшем через горнило ядерного огня, современные люди в большинстве своём не склонны к проявлениям всякого рода тонких чувств и прочей сентиментальности. Дети рано взрослеют и постигают на собственном опыте все тяготы жизни, а не узнают о них из очередного приключенческого сериала, сидя на мягком диване перед телевизором с попкорном и Нюка-Колой в руках. Что сказал бы современный мальчишка, такой, как пропавший Сверчок к примеру, узнай он о том, что в нашем детстве считалось великой трагедией, если родители на Рождество или день рождения подарят тебе не вожделенный новенький велосипед или робо-пони, а всего лишь новый, с иголочки костюм или платье? Наверное, хохотал бы до упаду, сравнив своё детство и его печали с теми «разочарованиями», которые испытывали дети нашего времени. М-да, вот уж воистину – всё познаётся в сравнении.

Наконец успокоившись, все морские путешественники разбрелись по углам и занялись своими делами. Вернулись на свои места и Изгои, все, кроме Защитника Томпсона, который вызвался побыть вперёдсмотрящим, так как матросов теперь стало на одного меньше. Катран заместил выбывшего Сверчка, встав, а вернее сев у руля, Скамейка должен был заступить в ночную вахту, когда катер встанет на ночёвку, вот Томпсон и предложил капитану побыть вперёдсмотря-

щим на время сегодняшнего плавания и теперь сидел в кабине наверху рубки. Одевшись потеплее, Изгой утащил с собой наверх свою винтовку, одеяло и пакет с сухим пайком. Вооружившись здоровенным биноклем, он стал зорко следить за окружающей обстановкой. Хотя, как по мне, смотреть там особенно не на что. Ну, вода и вода. Много воды. Низкие облака над головой, да ещё тонкая, едва различимая полоска берега вдалеке. Даже чаек, которых обычно много кружит в вышине, здесь нет – катер слишком сильно удалился от берега. Но ближе подходить к суше, пока катер движется по волнам, капитан отказался наотрез, мотивируя своё решение тем, что больше не хочет рисковать судном и терять людей. На пути запросто может оказаться какая-нибудь очередная засада наподобие той, в которую мы невольно вляпались утром, когда на пути внезапно возник тот проклятый скальный лабиринт.

Об этом решении капитана Трелони рассказал Защитник Томпсон перед тем, как подняться на пост. Он пояснил, что застал часть разговора капитана с рулевым Катраном, когда ходил в ходовую рубку договариваться о дежурстве. Затем он ушёл, а мы с мужем решили перекусить. Остановили свой выбор на копчёной рыбе, несколько тушек которой мне лично были презентованы моряками в знак благодарности за проявленное мужество – как в армии говорят. Или не говорят… Не важно, в общем. Отдав мне завёрнутую в пропитанную жиром бумагу рыбу, они пояснили, что это не такая, как

та, которую везут в одной из бочек. Эти рыбины были закопчёны лично самим капитаном Трелони. А он, как известно, всеми признанный специалист по части копчения морепродуктов. Ну, мне об этом неизвестно, но поверю морякам на слово. Тем более, что выглядит рыба очень аппетитно, а уж пахнет так и вовсе просто умопомрачительно. Пока я сидела в гамаке и ждала, когда мне, как настоящей принцессе подадут обед, Нейтан нарезал одну, довольно кстати большую рыбину на дольки, разложив её на чистой тряпице – одной из тех, которые он постоянно таскает с собой, рассовав по разным карманам. В рюкзаках у нас имеется по маленькой мисочке из нержавеющей стали наподобие тех, из которых раньше кормили собак. А что смеяться-то – посуда она и есть посуда. Очень удобная, кстати. Лёгкая, прочная, не портится со временем, не колется. Вот в одну из мисочек Нейтан мне и положил пару довольно крупных ломтиков, добавив ещё половинку кукурузной лепёшки в качестве гарнира. Я поблагодарила и принялась за еду.

Нейтан последовал моему примеру, не забыв угостить Отступников копчёной рыбой. Николсон и Рид приняли угощение, а вот Специалист Олин отказался, как его не упрашивали съесть хоть маленький кусочек, мотивируя свой отказ тем, что пока ещё совсем не голоден. Ну, не хочет – как хочет, вольному воля. Рыба и впрямь оказалась на редкость вкусной, мягкая, ароматная мякоть буквально таяла во рту. Я съела свою порцию и попросила мужа положить мне ещё.

Эх, обопьёмся, наверное… Но ничего, пресной воды мы везём с собой много, пить можно вволю. Главное ночью не описаться потом, хи-хи. Ну, на катере, конечно, гальюн есть, сходить-то всегда можно. Мужчины так вообще могут прямо за борт… хм, нужду справлять. На корму встал, где борт низкий, и только трос ограждения ограничивает от возможного падения за борт, штаны расстегнул и бузуй себе, сколько влезет прямо на полном ходу. Я то же могу, к примеру, с кормы попу свесить и прямо в океан пописать. Только надо будет при этом крепко руками за трос держаться, а то имеется риск за борт случайно навернуться. С голой задницей и спущенными штанами – вот потеха! Представляю, насколько будет шокирована вся команда катера увидь они, как миссис Стюарт, их спасительница и героиня сначала спустив штаны дует с кормы прямо в море, а потом срывается, и кувыркнувшись через голову падает в воду. Нарисовав эту картину в своём воображении, я не удержалась и хихикнула, аж крошки изо рта полетели. Нейтан удивлённо посмотрел на меня и спросил, всё ли в порядке. Я поманила его, и наклонившись близко к уху рассказала, что меня так насмешило. Муж отстранился от меня и пару секунд смотрел, видимо пытаясь понять, всё ли со мной хорошо. После чего и сам негромко рассмеялся, покачав головой.

–Что, то же картину представил? – спросила я.

–Ну да, – ответил он. – Ох, и горазда же ты выдумывать! Нет, точно – тебе только книжки писать с твоей фантазией.

–Так смешно же ведь, – сказала я, пожав плечами. – Наверное, это всё стресс виноват. Ещё и половины не проплыли, а уже такие приключения. Даже одного товарища потеряли…

–Это ты права… – задумчиво протянул муж, глядя куда-то в пустоту.

Он враз стал серьёзным и задумался, забыв о недоеденном куске, который держал в руке. Я потрепала его по волосам, что бы отвлечь, и он, улыбнувшись мне, взялся доедать свою рыбу.

Глядя на нас, все остальные то же принялись за еду. Из капитанской рубки пришёл Катран, взял провизии на двоих – себе и капитану, и не говоря ни слова умёлся обратно в рубку. Всё ещё переживает из-за Сверчка. А на улице тем временем испортилась погода. Облака, сначала редкими белыми кучками плывшие по небу, вдруг стали сгущаться, собираться в большой облачный фронт, откуда-то подул довольно прохладный ветер и стало заметно штормить. Катер качало на волнах, качались и пассажиры вместе с ним. В углу, где сидели люди Джесси Джеймса, вдруг началась какая-то возня, затем посланник Смит, вскочив на ноги и зажав рот рукой опрометью кинулся вон из кубрика. Не успела его спина мелькнуть в проходе, как от борта послышалось надрывное: «Бу-э-э-э!». Бедняга. Его укачало, и вся еда, принятая ранее, пошла насмарку. Надрывные звуки повторились, потом ещё раз, и спустя какое-то время в дверях показался Смит,

утирающий рот рукавом и с лицом бледно-зелёного цвета. Пошатываясь, он прошёл к товарищам и обессиленно рухнул на свой тюфяк. После чего свернулся калачиком и затих. Напарники, сочувственно посмотрев и покачав головами, заботливо укрыли его ворсистым одеялом и оставили в покое. Кроме него пока больше никого не укачало, но я заметила, как Специалист Олин несколько раз подносил руку ко рту и тайком, стараясь, что бы никто не видел, вытирал рукавом вспотевший лоб. А в кубрике совсем не жарко сейчас, даже прохладно. Я вот в одеяло поплотнее закуталась и сижу, только нос наружу торчит. И выглядит Специалист бледновато. Наверное, то же тошнит, но он пока справляется и терпит. Но, возможно, недалёк тот момент когда и он блевать побежит. А сама я ничего, нормально так себя чувствую. Во всяком случае пока. Ну, это скорее плюс, чем минус, правда ведь?

Глава 4

Нейтан. Патрульный катер Гарпия. Неподалёку от острова Блок Айленд, Атлантика.

Ближе к вечеру погода окончательно испортилась. Небо заволокло тучами, подул сильный и холодный ветер. С неба начал накрапывать дождь. Волны раскачивали катер, бились о борта, солёными брызгами обдавая любого, кто осмеливался высунуть нос из рубки. Стало предельно ясно, что нужно срочно поворачивать к берегу и искать место, где можно будет пришвартоваться и переждать шторм. А заодно и переночевать. Сбоку что-то сверкнуло. Я обернулся и посмотрел в иллюминатор. И в ту же секунду ещё один разряд яркой нитью прочертил небосвод вдалеке, почти у самого горизонта. Я почувствовал, что катер поворачивает носом к далёкому берегу и ускоряет ход – слышно, как натужно завыли двигатели на корме, стремясь разогнать судно. Да, до берега желательно добраться до того момента, как начинающийся шторм разыграется в полную силу. А время начинает поджимать, ведь нужно будет ещё найти место, где «Гарпия» сможет укрыться на время шторма и переждать, без риска быть разбитой о скалы или выброшенной на берег волнами, которые уже сейчас выглядят довольно устрашающе. Наш катер не настолько крупное судно, что бы рискнуть двинуться на нём сквозь шторм. Только я об этом подумал, как из ходовой

рубки донёсся искажённый динамиком голос нашего вперёдсмотрящего, Защитника Томпсона:

–Земля прямо по курсу!

Народ в кубрике оживился, все стали смотреть в иллюминаторы, пытаясь разглядеть то место, куда мы движемся полным ходом. Я встал с тюфяка, на котором сидел возле гамака Норы, подошёл к боковой двери, открыл её и выглянул наружу. И сразу же получил щедрую порцию солёных брызг прямо в лицо. Помотал головой, вытерся рукавом, и прищурившись, пристально вгляделся вдаль, пытаясь разобрать хоть что-нибудь. Но потуги мои оказались тщетными. Сквозь усилившийся дождь и морские брызги, которые создавали волны, когда «Гарпия» то поднималась на гребень, то резко ныряла вниз, мне ничего не удалось толком разглядеть, кроме тёмной размытой полосы впереди. Я оставил свои попытки и захлопнул дверь. Результатом моего выхода наружу стала мокрая голова, намокшая спереди одежда и недовольство товарищей, начавших бранить меня за то, что я раскрыл дверь и напустил внутрь кубрика изрядную долю водяной пыли и мелких брызг. Я вернулся на успевшее остыть место на тюфяке, вытащил из кармана тряпицу, развернул и принялся вытирать волосы. Нора насмешливо посмотрела на меня, потом спросила:

–Ну что, сходил, посмотрел?

–Угу, – кивнул я, не прерывая своего занятия.

–И как там?

–Мокро, холодно и ветренно, – ответил я, встряхнув тряпку и разложив её для просушки на краю тюфяка. – Довольно-таки мерзкая погода.

Нора улыбнулась и поплотнее закуталась в одеяло. Она так и сидела в гамаке, раскачиваясь в нём словно на качелях, пока катер болтало на волнах. В этот момент в кубрик из ходовой рубки заглянул капитан.

–Господа, – обратился он ко всем присутствующим, – мы подходим к острову. На старых картах он обозначен, как Блок Айленд. Это довольно крупный остров, на нём даже небольшой аэропорт есть… был. И ещё, самое главное – с северо-западной стороны острова должна быть бухта, попробуем до неё добраться. Если удастся, то сможем спокойно переждать шторм. Советую всем уже сейчас начать готовиться – возможно придётся сходить на берег.

С этими словами Трелони вернулся в рубку управления, а все, кто был в кубрике, зашевелились и начали собираться. Ах да, чуть не забыл сказать – я ведь, едва начало накрапывать быстренько метнулся на палубу и собрал все вещи Норы, которые сушились под открытым небом. На данный момент жена была одета в свой второй комплект одежды, состоявший из кожаных брючек с накладными карманами, братьев-близнецов тех, которые поучаствовали в купании Норы и серого вязаного свитера. Сейчас жена застёгивала ботинки, сидя на моём тюфяке. Она уже натянула свою жилетку, у которой между внешним слоем плотной кожи и подкладкой

из мягкой замши было проложено несколько слоёв кевлара, а на груди в районе рёбер вшиты титановые пластины. Кстати, эту жилетку нам принесла и отдала дочь той самой женщины-пилота, которая управляла винтокрылом в тот день, когда на меня и Нору впервые было совершено нападение. Летательный аппарат Братства Стали тогда был сбит атакующими – его безжалостно расстреляли из ракетомётов, и лётчик вместе с бывшими на борту стрелками погиб. Как оказалось, на базе Братства у неё была дочь двенадцати лет, которую она растила одна, без мужа. Отец девочки, который был Паладином Братства, пал в бою много лет назад. Дочке тогда было всего два годика и она его совсем не помнит. Когда ей сообщили, что её мама погибла выполняя боевое задание, девочка стойко перенесла утрату. Она не билась в истерике, так же не впала в тоску, но кто знает, что творится в душе у ребёнка, потерявшего единственного родителя и самого близкого человека на свете. Когда девочка узнала, что мы по человечески похоронили её мать, то очень благодарила, и в знак признательности принесла и отдала вот эту самую жилетку, которая сейчас одета на Норе. Моя жена в свою очередь вернула девочке все вещи её матери, которые были у неё на тот момент. Комбинезон, куртку, ботинки, шлем, а так же пистолет женщины-пилота и именные жетоны.

На жилетке у Норы с левой стороны груди ближе к ключице закреплены ножны, в которых обычно покоится один из её ножей – реплика траншейного кинжала 1918 года с от-

литым из латуни рукоятью-кастетом. Этот нож вместе с ножнами я приобрёл ещё до войны (боже, как же давно это было!) как коллекционный вариант. Сначала он хранился дома на полочке, затем был упрятан в мой «бункер» за домом, а ещё позже, когда я уже вылез после многолетней спячки наружу, покинув Убежище 111, и вернулся в Сенкчуари, траншейный кинжал перекочевал в оружейную комнату на втором этаже нашего дома. Нора, когда мы готовились к совместному переходу на базу Братства и выбирали, какое оружие брать или не брать в дорогу, как увидела этот ножик, так сразу вцепилась в него мёртвой хваткой. Сначала она упрятала его в свой баул и некоторое время нож путешествовал вместе с поклажей. Но когда после всех пережитых приключений мы наконец оказались в Новой Цитадели, Нора перетасовала все ножи, которые тащила с собой. Оценив их по степени важности и полезности к применению, она определила для себя три клинка, которые должна была всегда носить при себе. Тогда-то на первое место и вышел этот самый траншейный кинжал, а закрепить его на груди рукоятью вниз Норе подсказал я. Узкие аккуратные ножны кинжала имеют маленькие металлические «ушки», которые как раз и предназначены для того, что бы нож можно было разместить на теле бойца так, как ему будет удобно. Жена долго не рассуждая взялась за иголку с ниткой, намереваясь пришить ножны к жилетке… и тут её ждала неудача. Оказалось, что проткнуть толстую кожу, да ещё вместе с кевларовой прослой-

кой не такая уж простая задача, как могло показаться на первый взгляд. Пришлось мне брать дело в свои руки и уже с помощью острого шила проделывать отверстия в нужных местах. После чего ножны были пришиты туда, куда надо и жена теперь красовалась с раритетным траншейным ножом на правой стороне груди. Торчащая вниз рукоять-кастет зловещего вида внушала уважение, а расположение ножа на теле красноречиво говорило о том, что он окажется в руке своей владелицы в доли секунды, если понадобится. Сейчас ножны пустовали, Нора убрала кинжал в сумку, когда я забирал её вещи для просушки.

Номером вторым в списке ножей, предназначенных для постоянного ношения шёл тот самый знаменитый стилет с лезвием более шести дюймов длиной и крестообразной гардой, с помощью которого Нора так ловко расправилась с напавшими на нас «синекожими». Этот «ножик», как вам уже известно, был закреплен на высоком голенище её ботинка. К слову, чуть было не потерянный во время боя с «синими», когда Нора лишившись сил упала со скалы, стилет уцелел, удачно застряв в расселине между валунами у самой кромки воды. Кто-то из команды достал его и вернул Норе. Стилет был плодом моего ножевого творчества, я изготовил его около полугода назад и сначала думал продать, но потом как-то жалко стало с ним расставаться и я оставил стилет себе. У него замечательная, очень приятная на ощупь рукоять из прочного, как сталь панциря Короля Болотников. У меня

в мастерской среди обрезков нашёлся небольшой кусок, сохранившийся как остаток материалов ножа, который я делал на заказ. Вот я и пустил его на рукоятку.

Третьим по счёту шёл классический складной «Бак 110», который Нора носила в закрытом кожаном чехле на поясе. Ещё три ножа – да-да, не смейтесь – именно три хранились в её сумке, соседствуя с коробками патронов и запасными магазинами к винтовке. Это были почти одинаковые охотничьи ножи в кожаных ножнах, лишь немного отличавшиеся друг от друга длиной клинка. Я до сих пор не до конца понимаю, для чего жене эти ножи. Вернее, совсем не понимаю. Создаётся впечатление, что их она набрала просто так, для количества. Ну, это её дело, пусть таскает, если нравится, мне не жалко. Складной «Бак» был так же мной доработан, я заменил родные деревянные накладки рукояти на более прочные из всё того же панциря Болотника и заново отполировал лезвие. «Сто десятый» сам по себе нож крупный, «дубовый», с большим запасом прочности, но малость тяжеловат для складного ножа. Это хорошо ощущается, если таскать нож в кармане штанов. Но подобного типа складни практически никто так не носит, все таскают их в чехле, висящем на ремне. Нора не исключение и сама крепит на поясе «Бак» тем же способом, что и большинство владельцев этого замечательного ножа.

Пока жена обувалась и приводила себя в порядок, я бегло осмотрел наше оружие, ещё раз – уже третий за последний

час проверил пистолет, заряжен ли он, и сняв ботинки, штаны и свитер стал натягивать на себя мой любимый защитный комбинезон. Тот самый, в котором я исходил вдоль и поперёк всё Содружество, пережил множество приключений и выживал среди ужасных условий постъядерных пустошей бывшей Америки. Комбез, подаренный мне однажды русским Стариком из Добрососедства, который, кстати, и прилепил мне это прозвище «Сталкер», как будто специально создавался для жизни в условиях современного мира. Не буду в сотый раз расписывать все достоинства моей защитной одежды, скажу лишь, что комбез этот самый не раз и не два спасал мне жизнь. Причём буквально спасал, без всяких там преувеличений. Комбинезон защищал моё бренное тело от пуль, когтей и осколков, спасал от переохлаждения и высоких температур, уберегал от радиации и воздействия всякой химической дряни. Порой я начинаю думать, что Старик не врёт и там, откуда он сюда попал, действительно реально существует какая-то «Зона», которая наполнена разного рода чудесами, но выжить на просторах которой человеку до крайности сложно, а порою попросту невозможно.

Влез в тихо шуршащие плотной тканью недра комбинезона, застегнул все застёжки, повертелся. Продел ремень в лямки на поясе, повесил под правую руку длинный узкий пенал аптечки, слева разместились дополнительные подсумки с магазинами к пистолету, на поясе сзади горизонтально закрепил ножны с ножом. Я не Нора и шести ножей для

ощущения полного счастья мне не нужно. Мне достаточно двух. На ремне у меня висит обычный «Ка-Бар», он для меня привычный ещё со времён армейской службы, нож простой и надёжный. Спросите, почему ношу его закреплённым горизонтально за спиной? Ну, для такого выбора ношения есть несколько причин. Во-первых, так нож банально не виден постороннему глазу – он скрыт полой верхней одежды, а в ситуациях, где он бывает нужен уже не в качестве инструмента, а в виде оружия, внезапно появившийся в руке клинок даёт определённое преимущество, а иногда и вовсе может всё решить в вашу пользу. Вот, скажем, не так давно меня очень сильно выручил мой любимый ножик с автоматическим выбросом клинка. На нас с Норой тогда напали злобные ублюдки, меня взяли в плен и разоружили практически полностью. Но ножа, лежавшего в глубоком кармане плаща в спешке не обнаружили. Вообще, признаться честно, те, кто меня тогда захватил, не очень-то и старались, лишь кое-как меня обыскав и забрав всё основное оружие, которое было на виду. Но, тем не менее, не окажись тогда в довесок к основному тесаку, который висел у меня сбоку на ремне, ещё и ножа в кармане, неизвестно, как бы всё обернулось. Ну, ладно – что было, то было. Ну а во-вторых, в пользу ношения ножа за спиной говорит тот факт, что так он не занимает места на теле, на котором можно было бы расположить что-нибудь не менее полезное, чем нож. К примеру, пару лишних подсумков с пистолетными магазинами, или та же маленькая

походная аптечка, за которой, случись такая нужда, уже не нужно будет лезть в рюкзак или где она там у кого бывает спрятана. Ну, вы меня поняли, надеюсь.

Второй мой режущий девайс, который я взял с собой в путешествие, заменив им ту самую «выкидуху» – как на русский лад называет подобные ножи Старик, это балисонг довольно внушительных размеров, который я таскаю в кармане. Причём балисонг этот самый у меня не китайский или, упаси боже, тайваньский, коими в одно время буквально наводнили Америку, и которые разве что в отделах грампластинок не продавались. Нет, ножик мой настоящий, изготовленный на Филиппинах тамошними мастерами с вековой традицией. Я купил его, когда мы с женой были на островах в свадебном путешествии. И этот замечательный нож сохранился у меня до сих пор! Что мне нравиться в балисонге, который в простонародье называют «бабочка», так это то, что открыв его и зажав в руке, ты практически получаешь нож с фиксированным клинком. У обычных складней, какими бы надёжными и прочными они не были, существует ма-а-аленький, но шанс, что при определённом усилии он сложится у вас в руке. Травма пальцев в таком случае попросту неизбежна. У балисонга сама конструкция полностью исключает такую возможность. В раскрытом состоянии это самый натуральный «фиксед» со всеми его преимуществами перед складным ножом, да. Ну, ладно – хватит о ножах.

Пока я возился с комбинезоном, наши товарищи так же

времени даром не теряли. Изгои Братства облачались в свои силовые доспехи, помогая друг другу, проверяли работу систем, готовили оружие. Посланники Джесси Джеймса так же занимались подготовкой к возможной высадке на берег и встрече со всякими неожиданностями. Лица у всех были серьёзными и сосредоточенными. Напряжению способствовал всё усиливающийся шторм, волны которого швыряли катер так, что порой трудно было устоять на ногах, не держась за что-нибудь. Как, интересно, Защитник Томпсон там, наверху поживает? Хотя, что ему – кабина, в которой он сейчас сидит, изготовлена из прочнейшего дюралевого сплава, а обзорные стёкла сделаны из толстого плексигласа. Так что ему там ничто не угрожает, разве только если катер перевернётся кверху килем. Но до этого, я очень надеюсь, дело не дойдёт.

Я продел руки в наплечную кобуру, поправил лямки, сверху одел свою брезентовую куртку. Это та самая куртка, что была на мне, когда мы с женой изображали бродяг-мусорщиков. Одежда хоть и была уже кем-то ношена, но, судя по всему, совсем недолгое время, находилась в отличном состоянии и оказалась очень удобной в носке. Походив в куртке какое-то время, я попривык и в результате прикипел к ней душой. Натянув на голову вязаную шапочку, повернулся к Норе. Та в этот момент как раз заканчивала приготовления. Застегнула куртку до верха, поправила повязанный на манер банданы платок из плотной ткани на голове и посмотрела на меня. Я спросил:

–А ты что, в свой силовой доспех разве облачаться не будешь?

Нора сморщила нос и отрицательно покачала головой.

–Точно? – не унимался я. – Ты уверена? Просто мы не знаем, что там, на этом острове нас поджидает. А броня, согласись, всё-таки хорошая прибавка к скорости, силе и уверенности в себе. Про защиту от пуль, клыков и когтей я уже и не говорю.

Строптивая Нора скорчила ещё более кислую физиономию, продолжая упрямиться и настаивать на своём.

–Я полностью с ним согласен, мэм, – поддержал меня Защитник Николсон. – Лучше не полениться и всё же надеть доспехи. На суше может встретиться всякое, и как бы потом не пожалеть о неправильно сделанном выборе.

Сдержанная грубоватая речь командира группы Изгоев всё же произвела нужное впечатление на Нору, и та тяжело вздохнув полезла в один из ящиков, что стояли рядком у стены. Вот почему так: скажешь ты родному человеку какую-нибудь умную вещь, или предупредишь о чём-то важном, и он с вероятностью девяносто процентов, даже девяносто девять, тебя не послушает, а будет всё делать по-своему. И при этом не важно куда, к каким результатам в финале это упорство его заведёт. Главное, что поступил, как сам решил, или решила. А вот скажет кто-нибудь посторонний то же самое, что и ты говорил буквально вот только что, и всё – эффект совершенно обратный. Твой близкий обязательно

прислушается к совету, да ещё тебе будет потом говорить, какой умный и хороший человек тот, кто так вовремя подал дельную мысль и как же хорошо, что он вовремя к ней прислушался. А то, что ты прямо перед этим твердил и талдычил ему то же самое – нет, это мы отметаем и не обращаем никакого внимания. Я эту тенденцию давно заметил. Все так общаются. Родители с детьми, дети с родителями, муж, жена, друзья и знакомые – все прислушиваются к советам любых совершенно посторонних людей, но только не к своим самым близким. Что всеми при этом движет, какие процессы происходят в их мозгу, или чем они там думают, мне совершенно не понятно. Я подобное и за собой не раз, и не два замечал. Но я вообще человек, склонный наблюдать и анализировать свои побуждения, а так же отслеживать все входящие и исходящие мысли. Поэтому мне легче контролировать, так сказать, сам процесс. Вот и Нора сейчас поступила совершенно аналогичным образом. Не поддержи меня Защитник Николсон, и не вставь своё веское слово, я бы тут мог распинаться о необходимости надеть доспехи хоть до завтрашнего утра. Эффекта был бы ноль. В другое время я бы обязательно устроил жене выволочку за подобные выходки, но сейчас для воспитательных процедур не самое подходящее место. Мы уже практически подошли к Блок Айленд.

Выступавшая из мутной пелены дождя береговая линия загородила весь горизонт и с каждой минутой становилась всё ближе. «Гарпия» плавно поворачивала, пропуская ост-

ров по правому борту, что бы обойти его и найти ту самую бухту, которая нам всем теперь просто необходима. Шторм разыгрался не на шутку, катер качался на волнах, как на качелях, медленно, но упорно двигаясь вперёд, а вместе с ним качались и мы. Молнии, сначала редкие и далёкие, теперь непрерывно сверкали со всех сторон, освещая всё пространство вокруг. От непрекращающихся разрядов было светло, как днём, несмотря на сгущающиеся сумерки. На катере включили оба прожектора – благо их поворотами туда-сюда можно было управлять прямо из рубки, и белые лучи теперь прорезали серую мглу, шаря по берегу, до которого уже было рукой подать. «Гарпия» шла в пределах мили от Блок Айленд, но ближе не подходила. Катран, как менее опытный рулевой, вёл катер опасаясь, что вблизи берега могут быть подводные камни или торчащие из воды скалы и поэтому осторожничал. Трелони не отрывал глаз от бинокля, держа его одной рукой, другой двигая джойстик управления прожектором. Остров, такой близкий, совершено не поражал воображения какими-нибудь необычными видами или красотой прибрежного пейзажа. За высотой бьющих о берег волн разглядеть, что там у кромки воды, было положительно невозможно, видны лишь валуны, да высокие вввввввкен0густые кусты, сплошь покрывающие побережье. Что там, за этими, бешено раскачивающимися на ветру зарослями, оставалось загадкой, которую нам, если повезёт, в скором времени предстоит разгадать.

Нора. Патрульный катер «Гарпия». Возле побережья острова Блок Айленд, Атлантика.

Пришлось-таки напяливать на себя этот энергетический костюм, точнее – доспех, будь он неладен. Ещё когда мы были на базе Братства Стали, Нейтан повёл меня в отдел вооружений и настоял, что бы для меня подобрали облегчённую версию силовой брони, предназначенную для разведчиков и всяких прочих диверсантов. У этой разновидности есть модификация, разработанная специально для женщин. Мне Нейтан рассказал об этом, он вообще очень много знает про разного рода военные штучки. И на складе как раз нашлось несколько женских экземпляров. Я же, пока мы шли по территории базы думала, во что при нужде можно превратить обычный аэропорт, вернее ту его часть, которую в своё время не смог поглотить океан.

Писец-оружейник, имени которого я не запомнила, помог подогнать по моей фигуре элементы доспеха, что бы силовая броня сидела на теле, как надо. Когда я полностью облачилась в броню, то поначалу мне показалось, что на плечи повесили тяжеленный мешок с песком. Я тогда ещё подумала, как же у меня получится всё это на себе таскать-то, если я ноги еле переставляю и с трудом руками шевелю, находясь внутри всей этой машинерии. Нейтан на пару с оружейником наверное поняли, о чём я думаю, уловив пробежавшие по моему лицу эмоции и одновременно усмехнулись. После чего Нейтан взял со стола какую-то продолговатую штуковину,

напоминавшую батарейку-переросток, которые вставляют в карманные фонари. Подошёл ко мне и попросил поднять левую руку. Я, преодолевая тяжесть выполнила его просьбу. Муж нажал на что-то, после чего часть броневой пластины у меня на боку откинулась в сторону, открыв прямоугольный отсек, в который Нейтан и вставил «батарейку». Задвинул крышку на место, с силой надавив на неё. Раздался щелчок, и неожиданно надетая на меня куча железа буквально ожила. Мои плечи распрямились сами собой, гнетущая тяжесть куда-то пропала, я совершенно перестала ощущать вес доспеха. Создалось впечатление, что это не я несу на себе силовую броню, а она носит моё тело, упрятанное внутри неё, словно в железном коконе. По сути, так оно и было.

Специалист-оружейник после того, как я походила туда-сюда, присела пару раз и даже подпрыгнула, показал мне, как самостоятельно выбраться из доспехов. Оказалось, что на другом боку – справа подмышкой есть впадинка, а в ней упрятана кнопка, на которую если нажать, то силовая броня раскрывается на отдельные сегменты,словно скорлупа, позволяя находящемуся внутри человеку вылезти из неё наружу. При этом сам доспех продолжает стоять, словно гротескная статуя, выполненная из металла. Если же извлечь батарею, то он сложится, приняв вид сидящего на корточках человека – во всяком случае мне так показалось. В таком виде броня занимает гораздо меньше места и её можно упрятать в ящик для хранения, к примеру, или перевозить куда-нибудь.

Хотя, как я понимаю, в нынешнее время энергетические доспехи если куда и перемещаются, то не в виде мёртвого груза, а своим ходом, неся внутри своих хозяев.

Вот сейчас и я, залезая внутрь силовой брони, в точности повторила все манипуляции, которым на базе Братства Стали меня сначала обучал тот писец-оружейник, а потом ещё и Нейтан заставлял повторять, пока не убедился, что я всё твёрдо усвоила. Во как – а в броне-то на раскачивающейся под ногами палубе не в пример устойчивей, чем на своих двоих. Интересно, интересно… И чего я, спрашивается, упиралась и дуру из себя строила? Вроде взрослая тётка уже, а всё временами покапризничать, словно маленькая девчонка, тянет. М-да, однако…

Одев, а вернее – забравшись внутрь силовой брони, я пару раз присела, вытянула руки, сжала и разжала пальцы, привыкая к изменившемуся усилию при работе конечностей. Это на первый взгляд можно подумать, что, мол, чего там – залез в броню и бегай, прыгай сколько тебе вздумается. На самом деле не всё так просто, как кажется поначалу. Эти доспехи во много раз увеличивают силу и скорость с которой мы обычно двигаемся, для этого, собственно, все эти механизмы и создавались. И это самое возросшее усилие нужно обязательно учитывать, когда начинаешь двигаться, находясь внутри стального кокона. Иначе рискуешь что-нибудь сломать, но не себе самому, разумеется, а что-нибудь из того, что тебя окружает на тот момент. Двигаться надо плавно, не выпол-

няя полной амплитуды, а лишь подавая импульсы ручным и ножным манипуляторам, только имитируя начало движения. А дальше броня сама за тебя всё доделает. Со временем, потренируясь как следует и проведя достаточно времени внутри силовой брони, научишься уверенно дозировать свои движения и учитывать особенности возросшего потенциала, а так же увеличившиеся внешние габариты фигуры. Вон, Изгои в своих доспехах разве что не спят, чего, впрочем, утверждать не возьмусь. Кто их знает, может и спят, но времени в силовой бронее они проводят более чем достаточно. Поэтому и двигаются, совершенно не испытывая никакого дискомфорта. Мне бы их уверенность. Я, когда в первый раз внутрь силовой брони залезла, сначала шагнула слишком резво и чуть головой в стену не впечаталась, а потом решила жестяную кружку со стола рукой в «силовой перчатке» взять, ага. Чем эта моя попытка закончилась догадываетесь, надеюсь? Так вот – смятая до состояния скомканной бумажки кружка полетела в урну, а мне был дан деревянный брусок с наставлением тренироваться брать и класть его, пока не научусь дозировать усилие кистей без ущерба для взятых в руки предметов. Всем этим я занималась на базе, пока шла подготовка к предстоящему морскому путешествию. Вообще, оглядываясь сейчас назад, я понимаю, что обучение обращению с силовыми доспехами мне далось довольно легко, если сравнивать с тем, что мне рассказывал об этом процессе Нейтан. Говорит, бывает так, что сколько бы человек

ни пытался овладеть навыками управления силовой бронёй, ему это никак не удаётся. Не получается прочувствовать, как нужно правильно воздействовать на сенсоры доспехов, что бы механизмы работали синхронно с движениями того, кто находится внутри. Вроде, что-то там связанное с работой полушарий мозга, или вроде того. Нейтан мне на эту тему много объяснял, но я особо не вникала. В общем, далеко не все могут силовую броню носить, вот так. А я могу. И освоилась легко, да-да. Вот такая я молодец!

Тут «Гарпию» качнуло, и я инстинктивно ухватилась одной рукой за крюк для гамака, торчащий из стены, а другой вцепилась в Нейтана, который тут же скорчился, зашипев от боли. Силу-то я от неожиданности не рассчитала, вот и схватила его за руку, совершенно забыв о возросшем усилии. Господи, я же ему чуть руку не сломала! Вот говорила же, говорила, что не хочу эти доспехи на себя надевать! Как чувствовала, что добром это не кончится. Вот и не подвела женская интуиция – едва мужа не покалечила собственной рукой.

–Милый, ты как? – спохватившись, я отпустила Нейтана и с тревогой вгляделась в его перекошенное гримасой боли лицо, не решаясь к нему притрагиваться, пока на мне эта броня, что бы ей провалиться.

–Ничего, всё нормально, – сквозь зубы процедил муж, явно стараясь скрыть, насколько ему на самом деле больно. – Сейчас буду в полном порядке…

С этими словами он пошевелил рукой, охнул и снова скривился. Я была готова сквозь землю провалиться, настолько мне было неловко и одновременно жалко моего Зайку. Сделать я ничего не могла и лишь стояла, как дура, виновато вздыхая и чувствуя, что готова вот-вот расплакаться. Но вот Нейтан всё-таки пошевелил рукой, сильно потёр её в районе плеча, превозмогая болезненные ощущения, покрутил кистью туда-сюда, взмахнул пару раз и улыбнулся мне, покачав головой. Я вздохнула с облегчением. В эту минуту раздались радостные возгласы наших товарищей, все скопом прильнули к иллюминаторам, обращённым к правому борту. Катер поворачивал, беря курс на берег, и я, выглянув из-за плеча посланника Харрисона, увидела, как ставший очень близким берег расступается в стороны, открывая вход в бухту. «Гарпия», подгоняемая волнами, неслась вперёд на полном ходу. Только бы у Катрана хватило мастерства и он благополучно провёл катер в бухту. Буду держать за него кулачки.

Катран оказался молодцом, как и капитан судна, вовремя подсказывающий неопытному рулевому, как ему нужно действовать в тот или иной момент. Наш кораблик благополучно миновал узкое место и беспрепятственно вошёл в бухту. Когда судно оказалось в пределах острова, ветер, просто рвавший бешенными порывами заросли на берегу, заметно утих, бушующие волны остались далеко позади и «Гарпия» двинулась вдоль берега, огибая бухту по кругу и дер-

жась к нему правым бортом. Народ, заполнивший под завязку небольшое помещение рубки вздохнул с облегчением. Но расслабляться было рано. Неизвестно, что таит в себе остров, какие неожиданности и сюрпризы могут ожидать нашу команду, если мы решим ступить на берег. А сделать это скорее всего придётся, все устали от постоянной качки, как бы кто её не переносил, людям хочется ощутит под ногами твёрдую поверхность. Все теперь вглядывались во тьму, разгоняемую светом прожектора, но пользы в том, что бы ломать глаза в попытках разглядеть что-нибудь на погружённом во мрак берегу, было немного.

–Не подходи ближе – на мель напоремся, – услышала я гулкий бас капитана, донёсшийся из ходовой рубки. – Берег пологий, дно может быть близко.

–Я понял, капитан, – хриплым от напряжения голосом ответил ему Катран, а стоявший за спинкой его кресла Скамейка вытер рукавом свой чёрный, как смоль, внезапно вспотевший лоб.

Да-а, не хватает нашим морякам Сверчка… Как я уже слышала, краем уха уловив отрывок беседы посланников Джесси Джеймса, молодой парнишка был настоящим рулевым от бога. Выросший возле океана, он с ранних лет возился с различными плавсредствами, начиная с самодельного плота, который он собственноручно собрал, когда ему было то ли семь, то ли восемь лет – я толком не расслышала, и заканчивая таким сложным судном, как патрульный катер

«Гарпия». На том самом плоту, состоявшем из двух пустых бочек, нескольких досок и верёвки, которой была скреплена вся эта чудо-конструкция, будучи совсем ещё ребёнком Сверчок умудрился в одиночку переплыть пролив, отделявший Бостон Харбор от Бостонского аэропорта, тогда ещё заброшенного и пустующего. Мальчишка, совершивший столь отчаянное морское путешествие чуть не погиб, когда прибыв на тот берег был застигнут врасплох стаей диких гулей, облюбовавших под своё жилище одну из развалин аэропорта. Юркому мальчишке едва удалось спастись убежав и взобравшись на погнутую мачту высоковольтной линии, где преследователи достать его не могли. Верхолазы из гулей те ещё, то есть ну совершенно никакие. Я лично имела возможность наблюдать, как они туго соображают, если внезапно встаёт неразрешимая для их подпортившихся мозгов задача куда-нибудь залезть. Мы с мужем стали свидетелями того, как из целой оравы гулей, насчитывающей голов этак тридцать – не меньше, только у одного хватило ума проявить навыки верхолаза и вскарабкаться вслед за нами по рухнувшей секции скоростного шоссе. Ему тогда это не сильно помогло, но… В общем, неважно. Вот и у Сверчка получилось в тот раз укрыться на высоте. Но так и просидеть бы ему на той самой мачте до момента, пока он окончательно ослабел бы и умер от обезвоживания, не приди ему на выручку люди из клана, отправившиеся вслед за отчаянным мальчишкой на двух лодках. Они отстреляли дикарей, облепивших опо-

ры мачты со всех сторон и вернули Сверчка на родину в распростёртые, но не предвещавшие отчаянному пацану ничего хорошего объятия его не на шутку взволнованных родителей. Сверчок тогда был безжалостно бит и направлен в качестве наказания на кухню драить котлы. Но своей любви к мореплаванию и судовождению он ничуть не утратил. Впоследствии из паренька получился отличный рулевой, которому доверяли водить суда по самым сложным маршрутам. Всё это я узнала слушая, как про погибшего парнишку рассказывал посланник Смит, который, как оказалось, приходился молодому моряку дальним родственником. Я же тогда только-только отошла от моего купания с нырянием и лежала закутанная в одеяло, наслаждаясь теплом и сухостью.

–Вижу пристань, – вдруг снова донёсся из интеркома голос Защитника Томпсона. – К ней пришвартовано какое-то корыто, большое. На берегу стоят дома, с виду целые, насколько я могу отсюда разобрать.

–Вижу, – отозвался Трелони и добавил, обращаясь к Катрану: – Давай туда на малых, не разгоняйся.

–Есть, сэр, – по уставу ответил рулевой.

–Приготовьтесь, господа, – обратился ко всем капитан, крикнув со своего места.

Объяснять, что кому делать было не нужно. Не успели отзвучать слова капитана, как все трое Изгоев покинули помещение, отправившись на палубу, что бы занять места у пулемётов. Посланники так же не теряли бдительности, не выпус-

кая из рук оружия и внимательно глядя в иллюминаторы на медленно выступавшую из темноты пристань и видневшийся рядом с ней силуэт какого-то, довольно крупного судна. Подведя катер ближе, Катран ещё убавил обороты двигателя и «Гарпия» практически остановилась, слегка покачиваясь на мелкой волне. Луч прожектора заметался по пристани, выхватывая из мрака то одну, то другую деталь окружающей обстановки, пробежал по борту внезапно показавшегося просто огромным пришвартованного судна и остановился, уперевшись ярким кругом в название.

–«Диана», – почему-то шёпотом прочитал кто-то из находившихся в кубрике.

Глава 5

Нейтан. Остров Блок Айленд, Атлантика.

–Осторожней там, а то черно, как у Скамейки в заднице, – крикнул в темноту Смит, и его голос отразился гулким эхом от стен коридора.

Мы с посланником Трампом спускались по железной лестнице в трюм судна, на которое наткнулись прошлой ночью. «Диана», так называлась роскошная круизная яхта, которая стояла у причала в бухте, воды которой так вовремя приютили наш катер, укрыв от бушующих волн. Шторм стих ближе к утру. Небо, до этого сплошь затянутое тучами очистилась, ветер угнал грозовой фронт куда-то далеко на юго-восток, в сторону континента. В чёрной вышине засияли холодным светом далёкие звёзды и показалась луна. Ночевали все как и в предыдущую ночь на борту катера. Сойти на незнакомый берег глубокой ночью было бы сущим безумием. Катран отвёл «Гарпию» подальше от причала с пришвартованным кораблём, после чего бросили якорь и часть команды завалилась спать прямо в том, в чём была одета на тот момент. Ложились на пол, на те самые матрасы, которые обычно служили подстилками для сидения – спать в гамаке в полном снаряжении и с оружием решился бы только полный мазохист. Ворочались, кряхтели, сопели и вздыхали в тщетных попытках уснуть. Капитан с помощниками в лице

матросов Катрана и Скамейки провели ночь в своих креслах в рубке управления. Моторист Майк свернулся калачиком на подстилке в углу кубрика, как собака, тихонько похрапывая и распространяя вокруг себя стойкий сивушный аромат. Если бы над ним пролетела муха, то, как мне кажется, упала бы замертво от столь интенсивного амбре. По-моему, кроме успевшего принять изрядную дозу «снотворного» моториста, забыться сном толком так никому и не удалось, мне – так уж точно. Нора то же не засыпала, как мне кажется, хоть и лежала тихонько на своей подстилке, укрывшись до самого носа шерстяным одеялом. Ей одной было позволено снять с себя защитное снаряжение, что бы не испытывать на себе всю прелесть безумной идеи спать в силовой броне. Четвёрка Изгоев вообще не ложилась, добровольно взявшись обеспечивать безопасность судна во время ночной стоянки. Прожекторы погасили, и катер на время потерялся от возможного постороннего взгляда, надёжно укрывшись в окутавшей его ночной тьме.

Наутро снова двинулись к, как оказалось, неожиданно близкой пристани. Выяснилось, что отплыли совсем недалеко, хотя ночью казалось, будто мы удалились на приличное расстояние. На самом же деле до «Дианы», мрачным исполином застывшей у причала, было рукой подать. Вся наша команда кряхтя и чертыхаясь поднималась на ноги, разминала затёкшие от неудобной лёжки мышцы, с силой потирала заросшие щетиной лица, пытаясь взбодриться и прий-

ти в рабочее состояние. Нора снова облачилась в силовую броню, на сей раз без лишних препирательств. Я сначала забеспокоился за состояние Изгоев, проведших уже довольно много времени без сна, но потом вспомнил, что у них с собой есть специальные препараты, позволявшие после приёма внутрь повысить бодрость настолько, что несколько суток можно вообще не спать, чувствуя себя при этом очень хорошо. Потом, конечно, отходняк то же будет не хилый, и придётся отсыпаться не меньше суток, а то и двух. Но это после того, как все мы будем в относительной безопасности и сможем хоть как-то расслабиться. Всё-таки, основной силовой костяк нашей маленькой команды, это именно четвёрка Защитника Николсона. Без них мы, все вместе взятые, не намного сильней крупной банды каких-нибудь рейдеров. Нет, оружие что у моряков, что у посланников, что у нас с Норой отличное, тут мы на высоте. Плюс скрытые способности моей жены, но… Всё же, пусть при встрече с опасностью парни в силовой броне будут рядом, так намного спокойнее. Стимуляторы, при условии, что они приняли их, например, сегодня ночью, позволят Изгоям ещё минимум сутки носиться и скакать, как в жопу ужаленным… Кхм, да. Простите. Я сам боевой химией пользовался всего пару раз за всю свою жизнь и стараюсь этого дела избегать по возможности. У меня вообще к наркотикам любого рода стойкое отвращение, а стимуляторы в чистом виде наркота и есть, на которую плотно подсесть, как нечего делать. Знаю, сам лично видел та-

ких. Так что как-нибудь и без этого обойдёмся. Хотя, справедливости ради, у военных, использующих во время проведения операций боевые наркотики, как правило с собой всегда имеется специальный антидот, нейтрализующий последствия применения стимуляторов. «Аддиктол» называется. Эти препараты помимо снятия частично или полностью – зависит от дозы, негативных постэффектов, вызванных интоксикацией организма, ещё и блокируют привыкание к веществам, содержащимся в стимуляторах. Но средство это редкое, достать препарат сложно, и поэтому стоит он на рынке заоблачных этих… крышек.

Бдительности не теряли: как только рассвело, все как по команде зашевелились, задвигались, растолкали сладко спящего моториста, запустили двигатели и «Гарпия» на малом ходу двинулась к пристани. Стоявшая на приколе у причала яхта хоть и не выглядела полной развалиной, как большинство заброшенных судов нашего времени, но годы полной бесхозности и различные природные катаклизмы не обошли её стороной. Даже издали было видно, что когда-то белоснежная краска её изящных бортов выцвела и покрылась пятнами, а местами и вовсе отслоилась, обнажив дюралевую обшивку. В нескольких местах корпус яхты был украшен солидного размера вмятинами, а ближе к носу левый борт в надводной части, со стороны которого мы приближались к яхте, был распорот вдоль четырьмя параллельно идущими бороздами изрядной длины. Глядя на рваные края, неволь-

но закрадывалась мысль, что эти вот самые «полосочки» на корпус «Дианы» были нанесены вовсе ни каким-то природным явлением, а сделала это чья-то огромная, просто гигантских размеров лапа с длиннющими когтями. М-да-а, однако…

И вот теперь я и Трамп, державший над головой раскачивающийся в такт ходьбе карбидный фонарь, осторожно спускались в трюм древнего судна с целью посмотреть, что там и как на данный момент. Я шёл впереди с пистолетом наизготовку, за моей спиной шумно сопел Трамп, стараясь повыше держать фонарь. Свой пистолет он упрятал за пояс, но руку с рукоятки не убирал. Он сначала вознамерился идти как и я, держа оружие наготове. Но я настоял на том, что бы посланник убрал ствол и не тыкал им мне в спину. Во избежание, так сказать. А то, кто его знает – выскочит какая-нибудь страшная фигня из очередного тёмного угла, напугает нас, а Трамп возьмёт, да и пальнёт сдуру мне в спину чисто на рефлексах. Может такое быть? Может, конечно. А оно мне надо? Нет, не надо. Вот и заставил парня, которого, кстати, Дональд зовут, засунуть пистолет за ремень. Пусть лучше яйца себе отстрелит от неожиданности, хе-хе, чем в меня пулю всадит. Миновав довольно крутую лестницу, мы очутились в коридоре, дальний конец которого тонул в непроницаемом мраке. Постояли, прислушиваясь и пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук. Но дело это было заранее обречено на провал, потому что Трамп сопел, как буйвол караванщиков, тя-

нущий в гору телегу с поклажей.

–Донни, сопеть потише можешь? – вполголоса обратился я к напарнику. – Нихрена не услышать из-за тебя.

–А что тут слушать-то, – пожал плечами, Трамп. – Нету здесь никого.

Но увидев мой укоризненный взгляд всё же пояснил:

–Мне ещё в детстве нос сломали, хрящ неправильно встал, так и прирос. Вот и соплю поэтому, да храплю ещё, если на спину переворачиваюсь.

–Что храпишь – это я в курсе, – улыбнулся я. – Я из-за твоего храпа позапрошлой ночью раза три просыпался.

–Да ладно, прям так уж и из-за меня, – возразил детина слегка насупившись. – А то другие не храпят!

–Храпят, храпят, – успокоил я напарника. – Пошли уже. Свети давай.

И мы медленно двинулись по коридору. Решение обследовать пришвартованную к причалу яхту было признано единогласным, так как оставлять в тылу судно, в недрах которого может таиться всё что угодно, было бы до крайности глупо и легкомысленно. Так же предстояло осмотреть и примыкающий к пристани довольно-таки обширный район, застроенный когда-то давно великолепно выглядевшими, красивыми зданиями. Если всё пойдёт нормально, то решили задержаться на пару дней, отдохнуть на суше, так сказать. Но это во вторую очередь, сейчас у нас в плане яхта. Я вызвался идти первым, а секундой позже и Донни выказал же-

лание составить мне компанию. Нора стрельнула в мою сторону глазами, в которых на миг промелькнула тревога, но ничего не сказала и осталась стоять вместе с четвёркой Изгоев, внимательно изучавших окрестности через визоры своих шлемов и державших оружие наготове. У всех четверых имелись встроенные модули тепловизоров, наличие которых сильно расширяло тактические возможности бойцов и добавляло массу плюсов в плане наблюдения за окрестностями. Команда катера во главе с капитаном в полном составе осталась на борту «Гарпии» охранять судно, посланники Джесси Джеймса сошли на берег вслед за Изгоями. Эл-Джей Харрисон и Смит, которого звали звучным именем Джордж, поднялись со мной и Трампом на борт «Дианы», но остались на верхней палубе. Мы же быстро осмотрев пустую и пыльную рубку управления, отправились исследовать погружённые во мрак недра гигантской яхты.

Фонарь высветил ряд дверей, обитых древесиной каких-то редких пород, ведущих в отдельные каюты. Коридор, кстати, довольно длинный, так-как яхта поистине гигантских размеров для подобного рода судна. Мы сейчас находились на втором ярусе, если считать от верхней палубы, ниже находилось ещё несколько «этажей». Под нами было машинное отделение, камбуз, каюты команды и ещё чёртова уйма помещений, которые нам с Трампом предстояло обследовать. Да-а, здоровая посудина, ничего не скажешь. По сути, этот корабль скорее небольшой пассажирский лайнер, чем боль-

шущая яхта. Да и расположение помещений на судне говорило больше в пользу этой версии, чем нет. Бывший владелец «Дианы» был, очевидно, о-о-очень состоятельным человеком, раз покупал дорогие игрушки с таким размахом.

Ведущие в каюты двери в основном были закрыты, но в неверном свете фонаря виднелось и несколько приоткрытых. Я щёлкнул выключателем подствольного фонарика, прикреплённого снизу к рамке моего «Хадсона» и тьму коридора прорезал яркий узкий луч. Сзади раздался тихий вздох Дональда, у которого такого фонарика не было. Завидует поди, хе-хе. А что вы хотите, вещь редкая в наше время, в особенности батарейки. А у меня этого добра достаточно, так как я ещё до войны затарился и в свой мини-бункер на заднем дворе всё попрятал. А он, подвальчик этот самый, взял, да и сохранился, пережив все невзгоды. И дождался-таки моего возвращения со всем своим содержимым, ага.

Я шагнул к первой от нас двери, находящейся по левую руку, направил в ту сторону луч фонаря совместно со стволом пистолета, взялся за покрытую тонким слоем пыли латунную ручку вычурной формы и повернул, толкнув дверь от себя. Та, едва слышно скрипнув, отворилась. Трамп за моей спиной от напряжения даже сопеть перестал. Из каюты на нас никто не выскочил, внутри было тихо и пусто. Мы вошли, осмотрелись по сторонам. Некогда впечатлявшее роскошью, сейчас внутреннее убранство каюты безнадёжно обветшало и медленно, но верно разрушалось. Время – оно

знаете ли неумолимая штука. Ничего интересного и полезного для нас в каюте не нашлось и покинуть её было делом нескольких секунд. Осмотр десятка следующих прошёл по примерно тому же сценарию. Я светил фонарём, открывал двери, держа пространство перед собой под прицелом, внимательно осматривался. Дональд добросовестно подсвечивал, страхуя меня. Ничего и никого. Совершенно пусто. Судно явно было просто оставлено пассажирами на произвол судьбы после того, как яхта пришвартовалась в бухте у причала. Осмотр всего корабля, на который ушёл час с лишним только подтвердил эти догадки. Но в каюте капитана, которую мы оставили напоследок, нас поджидал маленький, но о-очень такой интересный сюрприз. Оказалось, что вопреки ожиданиям и предположениям судно всё-таки посещают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.